

Только слова имеют значение, все прочее – болтовня. Эжен Ионеско

Ж У Р Н А Л

№ 8 (40)

2012

ЭТОВ

Рисунок Кристины Зейтуньян-Белоус
(Париж, Франция).

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

Вилли Мельников
ДООС-лингвозавр
Лингвогобелен.

Композиция
Елены Кацюбы
специально для ПО.

abra

słowo

vārds

tű

СЛОВА LOVили

2-3

Константин Кедров

4

Елена Кацюба,
Вадим Рабинович

5

Сергей Бирюков,
Габи Бергман

6

Кристина Зейтунян-Белоус

7

Михаил Бойко,
Сандра Троян

8-9

Виктор Ахломов,
Жермен Другенбруд

10

Света Литвак

11

Владимир Монахов,
Эдуард Учаров

12-13-14

Дэвид Гаскойн,
Денис Безносков

15

Галина Мальцева,
Ольга Адрова

16-17-18-19-20

Валерий Байдин,
Александр Иосифов,

21

Юлия Немировская,
Шерил Персон

22

Александр Смирнов,
Питер Сирр,
Андрей Коровин

23

Пьер Ронсар

24

Надежда Агафонова,
Александр Бубнов

25

Анна Дарлис,
Санар Лазимов

26-27

Валентин Курбатов

28-29

Татьяна Зоммер,
Аркадий Перенов,
Владимир Павлов

30-31

Марина Розанова,
Дженни Моберли,
Евгений Таран

32

Лара Мареева

33

Герман Гецевич,
Кристина Нийради

34-35-36-37

Владимир Герасимов,
Кирилл Ковальджи

38-39-40

Эдуард Трескин

41

Отмар Зайдер,
Алексей Торхов

42

Николай Ерёмин

43

Олег Федоров

44

Маргарита Аль

45-46-47

Лорина Тодорова

Рисунок Константина Кедрова.

Слова наполнены дыханием и ваяются горлом. Животные не могут говорить, потому что они издают звуки на вдохе. Речь, прерывающая дыхание, противоречит жизни. Человек изловчился издавать звуки на выдохе. Выдох можно притормозить, это не опасно для жизни.

Как стеклодув выдувает стеклянную вазу, так человек выдыхает слова, выдувая всю вселенную. Каждая звезда, каждое созвездие озвучены нами.

Названия звезд и планет – это выдохи людей, которые их назвали.

Бог сотворил мир безымянным. Он поручил Адаму дать имена всему сущему, кроме света. Только свет Бог наименовал сам: «И сказал Бог: Да будет свет, — и стал Свет». Из живых существ Бог дал имена лишь Адаму и Еве. Остальных нарекал Адам.

Имяславец Лосев любил повторять: «Бог не есть имя, но имя есть Бог».

Сведенборг утверждал, что Ангелы говорят древнееврейски. Я полагаю, что Ангелы говорят на всех языках. Однако меж собою, по свидетельству того же Сведенборга, они изъясняются бессловесно, телепатически. И это понятно: где нет дыхания, там

и слова вроде бы ни к чему. Кроме того, Сведенборг сообщает о символическом цифровом языке. Теперь, когда появился компьютер, мы понимаем, о чем идет речь в трудах шведского философа, ученого, тайновидца и богослова Сведенборга.

Велимир Хлебников создал свою звездную азбуку, где каждое слово, каждый звук нашей земной речи есть одновременно модель вселенной.

Моя астральная речь восходит к именам звезд. Звезды, нареченные от Адама, хранят в себе тайну своего имени. И может статься, одна из семи звезд Большой Медведицы по имени Бенетнаш есть не что иное, как первые слова молитвы: Бенетнаш – Батя наш – Отче наш...

Разумеется, речь здесь идет лишь о признаках чтения. Способов прочтения слов так же много, как образцов письменности от петроглифов и рунических знаков до иероглифов и первых азбук.

Есть четыре книги: душа, природа, Библия и звездное небо. Все четыре говорят об одном. Надо только уметь их прочитать.

Такова одна из самых первых метаметафор древности.

Ранимый-ранний Маяковский

Маяковский всюду настоящий
Маяковский всюду НА стоящий!

Багровый
А.Белый
отброшен
и с сот.кан
кан-кан

И злобный
завистливый
Хо-
das-Евич
китаец-
немец

А.Черный
Квадратный
Мал-
Евич
Зенк-
Евич
И Шершень-
Евич

И только
Бур люк
Бурлюк
Бурлит
Бур лит

Реинкарнация

Когда-нибудь мы возникнем
и нас не будет
Когда-нибудь нас не будет
и мы возникнем
Годовые кольца
Геологические слои
Все о чем-то говорит
о чем-то умалчивает
Я вхожу в свой дом
раздвигая стены
Я выхожу из дома
сужая небо
Привычка к собственному телу
непостоянна
Постоянно только непостоянство
Вот сменю еще две-три вселенных
и успокоюсь
Успокоюсь
и сменю все вселенные

Послание

Это единственное послание
которое Бог не может не прочитать
срывая поцелуи с тела
как сургучные печати
с запечатанного конверта
Каждый из нас послание
скрепленное поцелуем

Гегель

(диалектика)

Тезис: Бог создал человека
Антитезис: человек создал Бога
Снятие: человек постоянно создает Бога,
который постоянно создает человека
Бог во времени – человек
человек в вечности – Бог
Синтез: богочеловек – Иисус Христос

Тезис: Бог – Отец
Антитезис: Бог – Сын
Снятие: Сын – Отец
Отец – Сын
Синтез: Троица

Рисунок
Константина
Кедрова.

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Книгасловие

У каждого под кожей живет книга
процарапанная рыбьей костью
прочерченная когтем
испещренная пером
Слово – паром
между солнцем и сердцем
перевозчик туда и обратно
переводчик со всех языков
лижущих слов – кусающих слов –
говорящих – молчащих

Горлу дан ор
орлу – дань неба
недра – дракону стеречь,
речь рыб – ультразвучанье
в ультрамарине морей
реять над морем чайке дано
но
человеку – слов вес носить
Не переводи ничего
кроме влаги на язык рыбы из созвездия Рыб –
пусть странствует пока не поймет
Тогда перечитай перевод
и переложи его снова
с языка неба на язык слова

Вадим Рабинович

доктор философских наук
ДООС – доосозавр

Манускрипт

Над манускриптом в час ночной,
Когда над сторонами улиц
Сойдется тьма и схлынет зной,
Под гнетом прошлого ссутулюсь
Над манускриптом в час ночной.
Прилежно воспроизведу
Округлые черты латыни.
И как бы невзначай войду
В миры, исполненные стыни,
В отяжелевшие миры
Гранит замшелый, мрамор битый,
Запечатлевшие пиры
И вид пирующего сытый.
Где золото твое, латынь?
Где серебро?.. Каржава проза,
Тускнеющая, как латунь...
Но посмотрите: Крест и Роза
Наверно, розенкрейцер автор.
А за окном шумит листва

Не нынче вычернит, так завтра,
Свои зеленые слова...
Вся жизнь его вот здесь –
мертва.
И все же не дают покоя
Поставленные вкось слова
Такою молодой рукою.
И в кровь они, и в бровь,
и вкривь
В минускуле зажаты тесном.
Наверное, владел порыв
Старинным автором безвестным,
Ушедшим в темень языка.
Зато изгиб пера, смятенье
Строки, четыре завитка,
С листа сбежавшая рука
Для общего уразуменья
Вполне достаточны пока.
Наверно, на душе его

В ту пору беспокойно было,
Когда для взора моего
Волненье жуткое явила
Душа. И мне передалось
От букв, поставленных
нелепо.
Так всякий раз уходит лето
В осенний день, слепой
от слез...
Сшибайтесь, буквы, так и сяк,
Как перволед, ледащ и тонок!
И лишь тогда поймет потомок,
Конечно, если не дурак,
Меня, моей строки излом
В единоборствии со злом
И букв разлад мой с тем и
с этим...
Отметим, скажет он, отметим!

Рисунок к стихотворению С.Бирюкова «касание...»
Габи Бергман (Гамбург, Германия)

Сергей Бирюков

доктор культурологии
 Галле, Германия

На могиле Аполлинера

Посв.Р.Г.

на могиле Аполлинера
 огромный зазубренный фаллос
 гранитный
 устремленный в небо
 оплодотворяющий открытые сферы
 входящий в плотные слои
 воздушной системы
 иногда туманные
 кольца фаллопронизанные
 выброс энергии
 и туманные девы
 слетают с небес

получая дозу
 поэтической спермы
 и улетают дальше
 в пространство
 над Парижем
 в ожидании
 поэтических схваток
 где... каким образом...
 когда... разрешатся...

касание разве называется касанием
 разве зеленая зелень
 белым по белому
 черным по черному
 из воды выходила листок при-
 лепился
 около сгиба бедра

**Кристина
Зейтунян-Белоус**
ДООС
Париж, Франция

Paris, rue Dieu*

на улице бога
сплошные решетки
на улице бога
морское кафе
а рядом канал
где божественных уток
клошар угощает
остатком круасана
и мало кто знает
что бог этой улицы
был генералом
погиб от ранения

в сольферино
быть генералом
по имени бог
и погибнуть в бою
чтоб воскреснуть
парижским
переулком
и отразиться
пьяным клошаром
в зеленой воде
среди уток
какая судьба

** Dieu по-французски Бог. Можно подумать, что rue Dieu – это улица Бога, а на самом деле улица генерала по имени Бог...*

Рождение слова
Компьютерная графика **Кристины Зейтунян-Белоус**

Михаил Бойко

Матриархия

А.В.

Гостя из косматого кошмара,
из внутриутробных отчизн,
обрушит как дом Ашера
вашу взлелеянную жизнь.

Без спроса и особых причин,
многогрудая и многогогая,
революцию против мужчин
начнет и против Бога.

Замедленно, как в киноребусе,
платье достанет из шкафа,
наденет перчатки и бусы,
эпифиз, гипофиз, гестапо.

Футуристическая проститутка
вырвет сердце Адама.
Будет лукаво и жутко
хлестать в писсуар Дюшана

кровь. А в последней траншее
где спазмы и мокрота,
череп с гусиною шеей
удавится в петле хвоста.

Зло изначально бессудное,
как облачный контрабас,
будет мерцать изумрудами
выпукло-снудых глаз.

Покрывшись небесною синью,
взмолится сверхчеловек,
умоляя Матриархиню:
не бери меня в новый ковчег!

Но, чтобы польстить добродетели,
бестия спросит: ты кто?
Матриархия в 33-летие
ответит: я лоно Ничто.

27.03.2006

Конец империи.

Рисунок **Кристины Зейтунян-Белоус** (Париж, Франция).

Сандра Троян

Лейпциг, Германия

une incroyable facon de nous faire mourir

Я все же живу – иначе не было бы мира, и должен бы тогда идти к мёртвым, их разбудить и перевернуть тех, что в вагонах для скота, чтобы они хоть раз иначе – на фабрику или же сразу в печь и легко ускользнули сквозь дымовую трубу, иначе был бы этот мир другим. Таким как пляжный вор, с теплом в кишках, и наполненный благодарностью. Une incroyable facon de nous faire mourir. А мир не другой, не другой, кроме как в кресле, и к окну, и теперь время нецветения.

И эта манера спрашивать – этого нельзя больше слышать. Танец частиц пыли в воздухе. Постарайся же, Бог мой, почувствуй линии, и то, как воздух чисто звучит над водою. Она – филиал, а я – рана, в которой палец. Как же хорошо и легко говорится всё-таки без мира мертвым.

Перевел **Анатолий Гринвальд** (Лейпциг, Германия)

Фотографии Виктора Ахломова

Виктор Ахломов
ДООС – линзаавр

Здесь была «Россия»...

Россия – Мессия... Эта рифма со временем займет место в ряду с такими, как – любовь-морковь, ночь-прочь и т.п. Забавно, что эта рифма родилась в воспаленном мозгу поэта именно в 1917 году. В очередной тектонический разлом социального строя в Отечестве.

Древняя китайская мудрость предупреждает – не дай вам Бог жить в эпоху перемен. Возможно, это справедливо по отношению к большинству населения. Им хороша любая стабильность. Оно к ней приспосабливается и выживает.

Нам же, творцам слова, звука, изображения перемены только на радость. Мы и сегодня поем легендарную песенку – «Перемен! Мы ждем перемен!» Из карты своей памяти можно извлечь имена разновеликих первопроходцев, которые мир узнал во времена перемен и революций. Малевич и Кандинский, Прокофьев и Шостакович, Ахматова и Цветаева, Маяковский и Родченко... Их творчество и судьбы помогают нам проникнуть в тайны творческого процесса.

Но почему мне сегодня вспомнились слова «Россия – мессия». Да потому что, проходя мимо Кремля, увидел груды кирпича и мусора на месте некогда помпезной гостиницы «Россия». Груда лежит уже много лет и обнесена глухим забором. Даже без рекламы.

А были люди в наше время. Они ежегодно привозили лучшие фильмы мира на Московский кинофестиваль. И жили дружной семьей в «России». Спорили, обсуждали и награждали лучшие киноленты. Не без конфликтов, конечно. И не без участия многочисленных советских киноманов и критиков. Именно у «России» простой советский зритель мог увидеть и взять автограф у Марины Влади, Стенли Крамера, Сергея Герасимова, Владимира Высоцкого, Акиры Куросавы и Анджея Вайды. Гостями и участниками в Москве бывали многие итальянские актеры и режиссеры. Они всегда были доступны для прессы и доброжелательны к поклонникам. Исключение составляла Джина Лоллобриджида, которая неутомимо бегала вокруг Кремля и по Арбату с тяжелым профессиональным «Nikon». Как оказалось, Джина работала над очередным фотоальбомом о Москве и москвичах. Талантливый человек талантлив во всем. Подтвердилось. Книга издана и переведена на русский. Актриса приобрела известность и среди ценителей фотоискусства.

Просматривая свой полувековой фотоархив и вспоминая по фотографиям встречи в «России» с любимыми писателями и актерами, хочется надеяться на пророческую строку Поэта – «Россия вспрянет ото сна!»

Стэнли Крамер

Жермен Другенбруд

Бельгия – Испания

Из книги «В реке времени»

СКВОЗЬ сито полудня
тянутся следы реки

Плечо к плечу галька
– знаки предсказаний

Камни испытаны и сдвинуты
покинуты или взяты с собой
на еще большую глубину

На моем языке кровоточит речь

Паулю Целану

тянутся следы реки
ледяной ветер над циферблатом
огибает подобно тени
стрелки часов

с остротой ножа
на вечерней заре
птичий крик

ПРЕХОДЯЩЕ все что живет
останется только
речная галька

каменный шрифт

на дне реки времен

ТРЕВОЖНОСТЬ

Ночные тени
протянули свои щупальца
избегая света
похищая масло
из тусклой лампы надежды

какая из летних птиц
нарушит молчание
и извлечет из духа нечто большее
чем просто тревогу?

*Переплыл реку времени
с немецкого берега на русский*

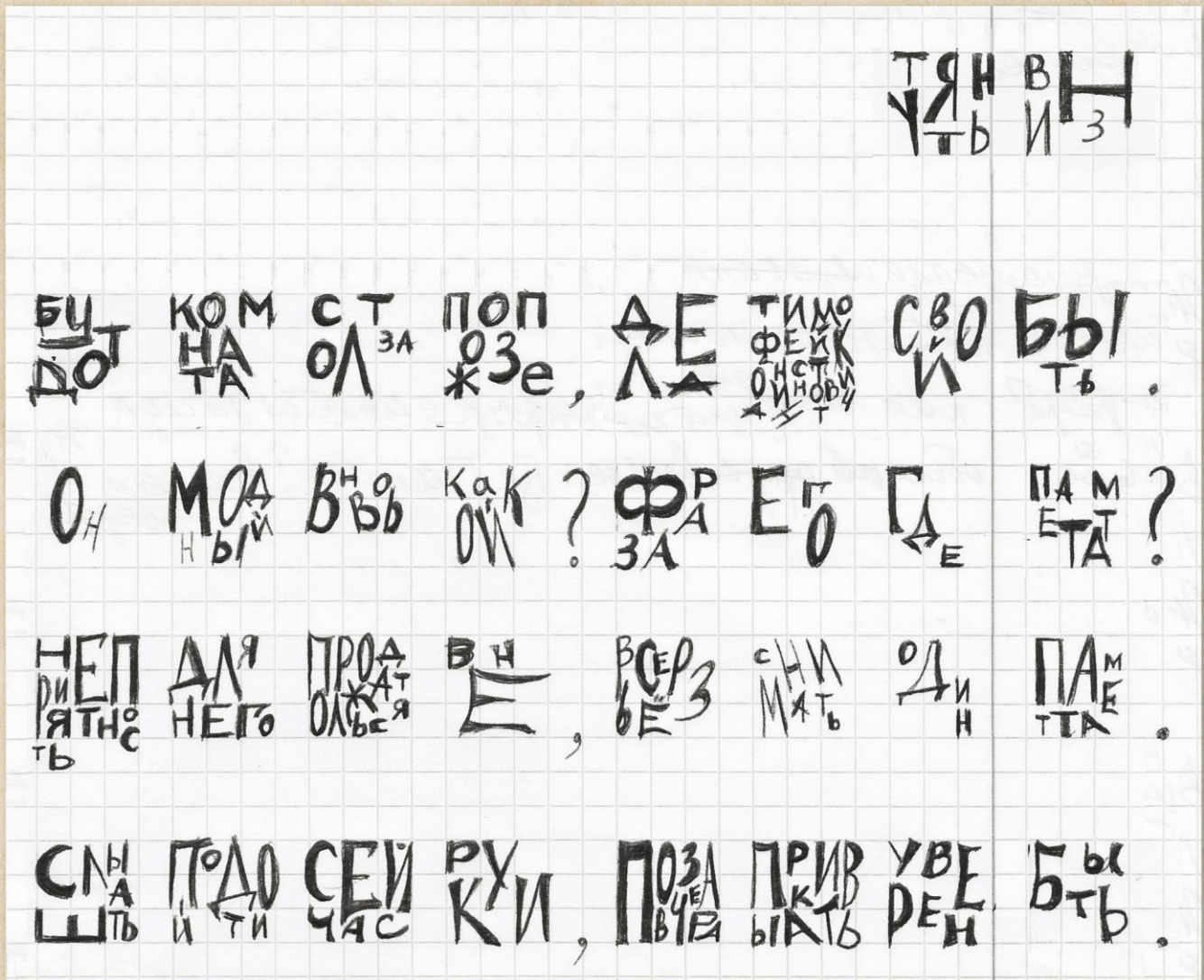
Вячеслав Куприянов

Джина Лоллобриджида

Света Литвак

Иероглифическое стихотворение

Перевод в силлаботонику:

ТЯНЕТ ВНИЗ

В воображаемой комнате поздно садятся за стол.
У Тимофей Константиныча тьма неоконченных дел.
Он очень модно одет в стиле ретро. Как выглядит он?
Его любимый вопрос: Где Паметта? – всегда и везде.

Конфликты и передраги дежурят у входа в подъезд.
Он принимает всерьёз эту жизнь, лишь Паметту раздев.
Слышней и ближе шаги, вот-вот рука коснётся плеча...
Так было изо дня в день, и он уверен, что будет сейчас.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр

Братск

На качелях замысла

бог – брутто
мир – нетто
мир – брутто
природа – нетто
природа – брутто
человек – нетто
человек – брутто
душа – нетто
душа – брутто
бог – нетто

В искусстве Брутто
важнейшим является Нетто.

Чучело

Часы – чучело вечности,
по стрелкам которых
мы никогда не узнаем –
сколько осталось
будущего у Бога.
И потому –
в одиночной камере бытия
мы перестукиваемся со временем.
Я – сердцем.
Оно – часовым механизмом
у пульса на моей руке.

Бренд «30 серебряников»

И сказал первый:
– Ты – Иуда!
И возразил ему второй:
– Иуда – ты!
– Я первый сказал! – возмутился первый.
– Ты первый продал! –
был непреклонен второй.
Достаточно всего тридцати серебряников,
чтобы нанять Иуду для предательства,
но никаким золотом мира
не заставить
держат язык за зубами
желающих доносить.

Рисунок неизвестного автора.
Фото **Елены Кацюбы.**

Эдуард Учаров

Казань

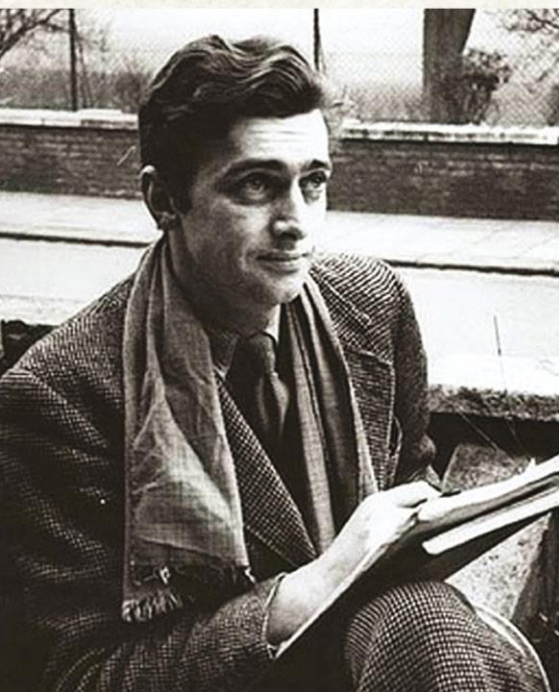
Там

Там ещё пишут..
Это когда
Водят палочкой по бумаге.
Ищут пищу,
Ра-бо-та-ют –
Станный обряд ушедшей магии..

Там ещё солнце – железный диск –
Лязгает по небосводу,
И неуёмный рассвет-сидит
В тёмные окна воткнут..

Там ещё жив благодатный звук,
Но не посредством речи,
Просто ружьё, сжевав кирзу,
Сердце дробинкой лечит.

Там ещё можно куда упасть...
В перистых тех хоромах –
Время спрессовано в лучший пласт,
В котором слова хоронят.

Дэвид Гаскойн – английский поэт, лидер сюрреалистического движения в Великобритании 1930-х годов. Являясь теоретиком и практиком техники сюрреализма, Дэвид Гаскойн также принял на себя организаторские функции и стал британским Андре Бретоном. Именно Гаскойн станет автором «Первого английского манифеста сюрреализма» и (наряду с художниками Роландом Пенроузом и Эдуардом Мезенсом) организатором первой международной выставки сюрреализма в Лондоне в 1936 году, ставшей местом официального рождения английской ветви авангардного течения.

Вышедшая в 1936 году книга стихов Дэвида Гаскойна с одиозным названием «Человеческая жизнь – вот это мясо» (*D. Gascoyne. Man's life is this meat, L., 1936.*) объединила под своей обложкой лучшие сюрреалистические стихи поэта. Активно работая в технике автоматического письма, Д. Гаскойн создает стихотворения, имеющие определенную внутреннюю логику, а потому обретающие некую целостность при кажущейся спонтанности выбранной автором формы. Стихотворение «Фантасмагория» вобрало в себя основные черты книги сюрреалистических стихов Дэвида Гаскойна.

Предисловие и перевод –
Денис Безносов (ДООС – дадазавр)

Дэвид Гаскойн
(1916-2001)
Великобритания

Фантасмагория

Для Маргарет В.

Ветер прекратился
в этом небольшом черном городке на краю фиолетового моря
где человек в комнате на втором этаже пустого дома
возвышающегося над заводом по переработке натрия
сидит с завязанными глазами на холодном полу
пытаясь услышать слабые стоны Северного полюса внутри своего черепа
и размышляя о железных зубах Смерти
размышляя о ржавом полицейском свистке цепью прикованном к стольким шеям
из последнего акта Фауста
из платья вишневого цвета что его любовница носила в ту роковую ночь
когда потеряла свою голову так
безвозвратно проплывая в гондоле
и несравнимо криволинейного и соблазнительного эффекта который нужно получить
написав чье-то имя в воде
белком собственного стеклянного глаза ...
В этом бедном почерневшем городке на краю фиолетового моря
ветер оставил растрепанные локоны волос
почти на каждой улице –
локоны которые появляются как свободно завязанные пряди сплетенного сна или кусочки коры
Опалового дерева
консервированные в вине
и оставленные сохнуть на всю ночь на ступенях русской церкви...
Эти распушенные локоны заставляют прохожих бледнеть
спешить домой дезинфицировать свои колодцы
Они слегка блестят как пыль отравленных звезд
и гипнотизируют взгляды последних птиц которые все еще остались
в этом приморском городке черном как горелый пирог
где мертвые сидят на подпорках в окнах завернутые в флаги
стран – где бездомная ночь

пробуждена холодом осенней зари на небе
и тишина сидит в ленивой позе как дым вдоль развалившихся причалов...

И в этом городе как обугленная плюшка около моря
окрашивающая его берега чернилами ежевичного сока
толпа продолжает играть в свои странные меланхоличные игры
на улице и на музыкальном рынке плотные облака дыма
льются из окон отеля *Luxury*

в котором иностранный гость в Комнате №13
обмотанный красными бинтами с головы до ног
лежит раздумывая о замороженной музыке в глазах статуй
о животнo-голой красоте хирургической машины
о плаще своего отца мерцавшем когда-то в сумерках
о плесени на стволе дерева Желания...

В этом угольно-черном городке на краю моря венозного цвета
где тень тлеет в пещероподобных магазинах
и медные колокола звонят целыми днями
колеса огромного лакированного Роллс-Ройса
брошены вверх тормашками посреди главной улицы
их заметят через несколько месяцев продолжающими вращаться
в напряженно-сенсационном освещении керосинового фонаря
оставленном властями гореть чтобы отметить пятно неизбежности –
продолжающими вращаться как заболевшая душа
как белая жесть молча закрученная через решетки на окнах клеток для осужденных
или как груди Судьбы заполняемые день и ночь...

И теперь, когда белый дневной ветер наконец остановился
копыта сумрака топчут полые облака высоковерху
из-под их скал скоро выползут скорпионы темноты
и еле слышен издалека со всех сторон
смех доисторической Ночи ужасный хохот гиены...
Тем временем среди узких тускло освещенных толп на улицах

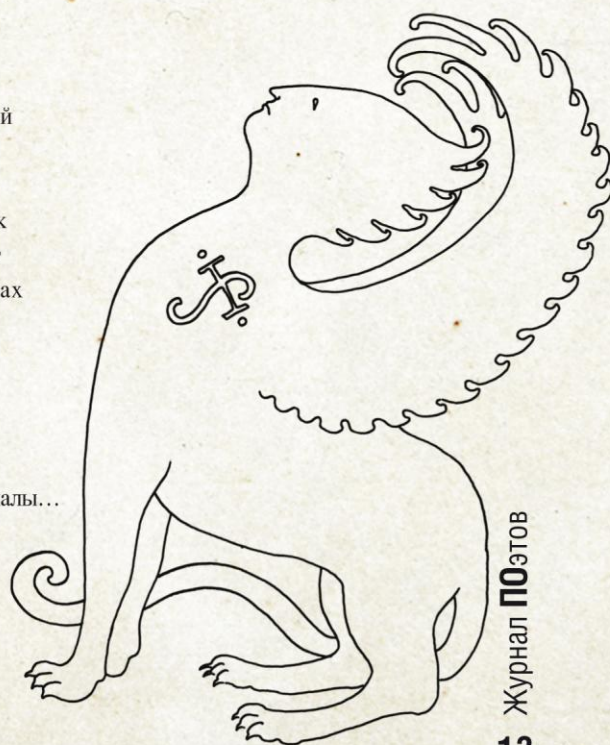
возникают скопления масок –
красные лица продолговатые кожаные их лица разбиты как крестец обезьяны
болезненные лица слабые как сальные кляксы оставленные мухами
голодные лица зияющие как мокрые грязные весенние могилы...
Магистраль Вечера кишат быстро сменяющимися сценами
и лампы похоти и террора разбрасывают всюду свои лучи
чтобы отчистить палящим светом бесчисленные клетки-убежища людей
пока волны звука раскатываются по крышам –
волны раздутые от мечтательных криков и грохочущих слов
с последними распухшими рыданиями заколотых насмерть проституток
с этой невыносимо-душераздирающей мелодией которую всегда играют
слепые старики живущие в ледяных каморках
играют на своих разбитых скрипках...

Смотри! вот кольцо танцоров вокруг сверкающего брачного ложа
вот компания бородатых карликов их пятки прикованы цепью
к стене женского монастыря
а вот мощи некого Святого они спокойно плавают
на шелковистой поверхности бассейна высеченного от сердца аметистовой скалы...
в пробковом гробу обшитом травой точно в полночь зажигается свет
от вспышки магния...

Вот Театр под открытым небом
в котором мертвые цветы и лунный свет танцуют балет каждый час
а там Детский Дом на холме позади города
там густые сады спрятаны среди теней и синего кустарника

Рисунки
Кристины
Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция).

сирота чья огромная голова сидит развалившись как лохматый земной шар

с глазами из травы

плача садится на корточки в траву мечтаний покрытую росой

и втыкает лезвие перочинного ножа как можно глубже в свое бедро

И вот стремительный силуэт сфинкса на экране неба

Вот заброшенная лесопилка ее разбитые окна глядят измученным взглядом

посмотри! вот пара превосходных ночных лебедей

каждый из них несет на спине зеркало и крепко привязан к спине мула

а мулы стоят как часовые с обеих сторон глотки гавани

где время от времени их умывает очередной прилив...

А здесь среди дюн рассыпаны громадины корабельных обломков

которые каждый час внезапно взмывают в воздух

и как незаметная стая китов идут плывут вглубь по течению ночи

чтобы построить свои неуклюжие гнезда на самых высоких куполах и башнях ;

пока здесь на пляже устроен огромный бальный зал окруженный невидимыми стеклянными стенами

на освещенном полу по которому сотни пар невидимых

тапочек прокладывают свой путь среди бесчисленных луж

невидимой крови...

И Ах как пикантен заплесневелый аромат рудничного газа в пустоте каждой волны

которая обрушивается на берег рядом с этим небольшим черноглазым городком на краю моря гелиотропа

где человек в великолепно освещенной подземной палате обитой войлоком

скрытой на глубине приблизительно в 69 футов ниже уровня земли –

(человек в маске напоминающей голову Райской птицы

с клювом из чистого золота инкрустированным алмазами

человек в лазурной тунике из атласа на краях которой вышиты серебряными нитками

слова ПЛЕВАТЕЛЬНИЦА – ОСМОС – СИНГАПУР –

сидит на платиновой трапедии раскачиваясь туда и сюда

и размышляя о радужных и неподвижных сосках Смерти

размышляя о ярких цветочках с короткими жизнями говорят

они вырастают из ртов беременных женщин

о полуденном солнце украшающем пейзажи Аравии бесхребетными вопросительными

знаками как будто перьями вырванными

из орлиного хвоста

о бесцветной пропасти праздных дней

о Мэри зазывающей домой скот среди песков Ди

и о конце Лета с его бесконечными дождями соли и копоты...

Но теперь болящие водяные смерчи полуночи выросли из моря

и те варварские cortege облаков опасно качающихся

из стороны в сторону на ступенях рая

как промокшие стога сена внутри внезапного шторма

наконец все исчезли один за другим скрылись в задымленную тюрьму

– дымоходы Востока –

теперь испещренный зевок одинокой Женщины-Титана

спящей в мягких мерцающих песках

в конце концов проглотила каждую морскую звезду в поле зрения –

мертвецки-бледный ветер вновь начинает подниматься,

украдкой переплетая свои шали в свертки бинтов вокруг

радиуса этого маленького черного городка у моря

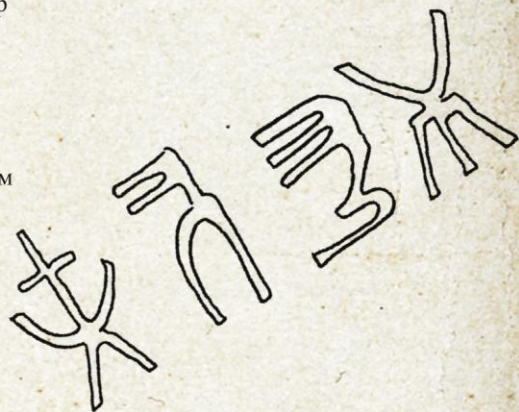
через который по настоящее время каждая длинная беззвучная улица полна босых детей

сомнамбулически ползающих

они все еще находятся под чарами сна,

ползут туда где скоро засияют и вскипят волны с серебряной пеной

потому что новое Солнце взлетает как песня из тишины моря.

Рисунки

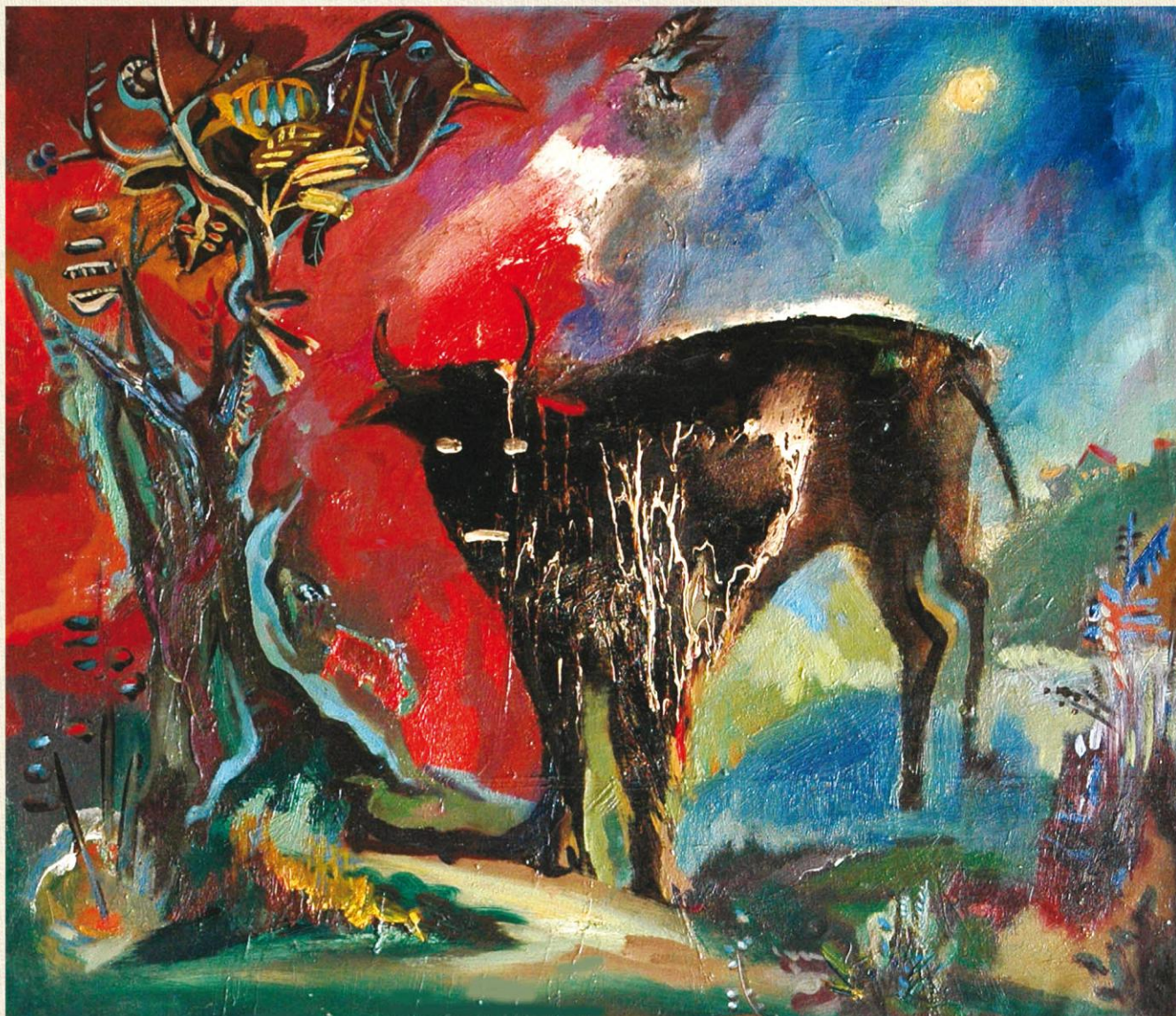
Кристины

Зейтунян-Белоус

(Париж, Франция).

«Бык».

Картина **Галины Мальцевой** (ДООС – стреказелла)

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

Верно, нежно и благодарно
Я лелею твой лик, –
Все время уворачиваясь
От полета камней,
Летающих в космосе
Друг к другу.

Имажинизм

Собакидохнут, мухи умирают,
Быкиидут на бойню, погибают.
Глядитгосподь: ну что он натворил?
Ну вот вам, что ли, баночка чернил...

Музыка страсти

Это буйвол страсти,
 слепой музыки страсти, –
От которой устает тело,
 замирает душа.
Гляди, как наша страсть
 сломала все деревья,
И тень этой страсти
 косит тени этих деревьев, –
Это буйвол страсти.
 Видя под веками свет,
Он не отдыхает, он не отдыхает:
Вот и буйвола нет, –
 Свет деревья ломает,
Люди видят, как деревья ломает свет –
В тени этого света прячется буйвол...

Валерий Байдин

Кан (Нормандия), Франция

СВА

Фрагменты из романа. Начало в № 5 (37) 2012 г.

Рисунки **Александра Иосифова**,
70-е годы XX века.

Последний и первый

В метро, на эскалаторе привиделась их вчерашняя встреча: похожие на затяжное падение поцелуи, слова любви и неожиданное, невыносимое расставание. Время остановилось внутри этих воспоминаний, а когда Сва вышел на улицу и повернул на знакомый бульвар, потекло с ускоренной силой. Он шёл по аллеям, зачем-то отыскивая их вчерашнюю дорогу до метро. Долго кружил в соседних переулках и никак не решался толкнуть старинную, облезшую дверь. Боялся даже представить, что Лави не пришла, что опять явилась со своим верзилкой и его просто не заметит или убийственно скажет что-нибудь обидное, после чего... Тут Сва терялся и о дальнейшем не мог думать. Дважды останавливался у подъезда, собиравшись с духом и отходил в холод и темноту. Совсем закоченел, но стало легче: от холода притихла боль, жадным зверьком глодавшая грудь, тело начала сотрясать дрожь, которую так легко было перенести. Мелькнула пугающая мысль, что из-за позднего часа все скоро разойдется по домам. И тогда, прикусив губу, Сва толкнул дверь.

Тёпловатый, дымный воздух пахнул в лицо. В сером мареве он сразу увидел Лави, сидящую у дальней стены вместе с подругами, а рядом, как всегда, толпилось еще несколько человек. На хлопок входной двери все подняли головы.

– Хай! – Сва остановился посередине подъезда, под тусклой лампочкой.

– Сва прикамал... – удивленно протянула Точка.

В тот же миг Лави соскочила с батареи, подбежала и повисла у него на шее:

– Я так тебя ждала, так боялась, что не придёшь! Сва, любимый, прости!

– Чепуха, – забыв обо всём, он утонул во вчерашнем бесконечном поцелуе...

– Будто одни в целом мире, – мечтательно протянул в наступившей тишине чей-то голосок.

– Бросьте, так не бывает, – звучно закашлял Потоп. Вокруг принялись со смехом галдеть, но Лави только вздохнула и, чуть повернув голову в сторону, произнесла сквозь шум:

– Бывает. Но так редко.

– Народ, делаем, как они! – пьяно заорал Потоп. – Где наш последний бутл?

– А просто так слабо? – крикнула Мади. – Вот мэны пошли, алкмэны!

Бор оказался возле Сва и Лави, протянул им полстакана рэда:

– Вас что теперь и вином не разольёшь?

Подошли остальные:

– Пьём за нас всех!

– Ну-ка, ещё один кис нам продавите! С привкусом дешёвого вайна. А мы вас поддержим, – Откол сделал вид, что подхватывает падающую на пол пару.

Лави взяла протянутый стакан, отпила и передала Сва, обернувшись на Откола:

– Фэнкс! А теперь отшнуритесь, плизз... – она загадочно, пьяно обвела взглядом парадник и взяла под руку Сва. – Давай двинем отсюда куда-нибудь подальше. Пипл, всем чао!

Они шли в обнимку, непонятно куда. На засыпанном снегом бульваре, где их внезапно застала первая метель, обморочно целовались, глотая ледяную влагу и сладкую боль.

– Как с тобой кайфово, – шептала Лави и надолго терялась в его заснеженной бороде.

Сва уже не пытался овладеть собой, а она будто ждала новых поцелуев, каждый раз, когда он прикасался к её губам, вздыхала и послушно лънула навстречу. Затем пошатнулась на ходу, потянула его на запылённую скамейку, откинулась назад и замерла, подставив лицо снежинкам. Он очнулся, смахнул капли с бороды, вынул и протянул ей папку:

– Вот стихи, как обещал.

– Принёс... Обязательно прочту, – Лави, не глядя, сунула их в шитую из цветных лоскутов кожаную сумку. – Ты с родичами живёшь?

Вглядываясь в её мягкий профиль, Сва начал что-то рассказывать про трудный размен с родителями и комнатку в маленькой коммуналке, а сам в несчётный раз ласкал глазами запорошённые волосы под капюшоном, лоб, влажные от снега щёки, покрасневший тонкий нос, губы.

– Так у тебя свой рум? – она отшатнулась в полуулыбке, зрачки стали ещё больше и темнее. – Хочу посмотреть, как ты живёшь, поехали!

– Ну, если ты... А не поздно? – залепетал Сва, и у него прервалось дыхание.

– Что ты мелешь? Я тут совсем закоченела, – Лави поднялась со скамьи. – Нам как, на метро?

Пошатываясь от неукротимого волнения, он вёл её под руку, стараясь ни о чём не думать. «Будь, что будет, будь, как будет», – вертелись в мозгу бессмысленные слова, вслед за ними кружилась голова, внутри разгорался тяжелый жар, опускался всё ниже и мучительно давил в животе. Она шагала, опустив ресницы, словно в полусне, прижавшись к нему и закрыв глаза, сидела в вагоне, а Сва изнемогал от её близости,

старался не замечать коленок, приоткрывшихся между полами дублёнки, и пытался думать о другом. Спустя полчаса Лави шла рядом с ним из метро, не глядя по сторонам, будто к себе домой. Лишь раз остановилась и ухватила Сва за рукав:

– Смоук не подкинешь?

В лифте он попробовал её поцеловать, но встретил бесчувственные мягкие губы с сигаретным выдохом и увидел ресницы, дрожащие на полузакрытых глазах. Топая каблучками сапог, небрежно стряхивая снег, Лави вышла на лестничную клетку. Сва шаркнул по полу следом, выудил из карманов ключи, сдерживая дрожь, защёлкнул входную дверь, в темноте провёл её по коридору до комнаты. «Спят старики», – подумал с облегчением, закрылся изнутри, зажёл свет и бодро произнёс подсевшим голосом:

– Вот, здесь я и живу.

– Файн... Только свет выруби, глазам больно, – Лави прикрыла лицо рукой, а другой начала расстегивать пальто. Теряя над собою власть, он обнял её и провалился в беспмятство... Изнемогая, слепо бился он рядом с неподвижным ласковым телом, будто хотел оживить умирающего человека. Гладил и целовал. Одиноко летел в невообразимую даль, прочь от глупой плоти, и влёк Лави с собой. А когда застонал от жгучего и бессмысленного восторга, она лишь тихо вздохнула. Сва чувствовал щекой душистые волосы и попытался понять, что опять с ней произошло.

Шуплый живот, жаркий пушистый свитер, под ним лёгкий бугорок груди: «Зачем всё это? Будто оставила мне свою полуживую оболочку, а сама ушла. Но её плоть, одна лишь плоть мне не нужна. И не была нужна никогда!»

Время медленно двинулось, он шевельнулся, поцеловал застывшее лицо:

– Зачем ты это сделала?

– Что? – встрепенулась Лави и вздохнула. – Жарко...

Скользнула ладонью по его плечу, добавила, будто извиняясь:

– Ты даже мой свитер не снял. Так жарко.

Он хмуро шевельнулся, попытался что-то сделать с её одеждой.

– Подожди, я сама, – хмыкнула Лави и села на кровати.

Накинув халат, Сва отошёл к окну и закурил. Он никак не мог найти себе места из-за её наготы и всего, что так нелепо произошло. В голове устало билось: «Чего она хочет? Зачем приехала? Лишь бы не стало тошно...» Обернулся и увидел, скорее, почувствовал во тьме её долгий взгляд, спросил:

– Что с тобой? Не понимаю...

– Прости, я была далеко, – у Лави дрогнули губы, на её лицо наплывала грусть, она тряхнула головой, пытаясь уйти от неведомых мыслей, и – было видно – через силу улыбнулась:

– Ты такой пылкий, ласковый. Удивительно.

Сва не ответил. В который раз она вздохнула и огляделась:

– У тебя тут тихо. И без занавесок хорошо – небо видно.

Смотри, облака светятся.

– Наверное, луна взошла, – он опёрся о подоконник, глянул ввысь и услышал за спиной шорох:

– А где смоук? – ничуть не смущаясь, Лави подошла к нему и вгляделась в небесную тьму.

Казалось, только сейчас она вышла из беспмятства. Чиркнула зажигалкой, затянулась, тут же толчком загасила сигарету о стекло, рукой проникла под халат и всем телом прижалась к Сва. Целуя, со страстью обвила вокруг шеи:

– Ми-лый, любовь моя.

Это она? Белеет в странном обмороке лицо, на губах остался забытый вдох. Незнакомой дорогой тянется в полумраке откинута рука. Грудь ласково и незряче смотрит вдаль. Тайной жизнью дышит живот, кажется мягкой отмелью, живым берегом, малым небосводом с отпечатком луны... А дальше, под неразличимой путаницей волос, тело кончается. Нет, заново творится из плоти крошечного младенца и белой пустой долиной возвращается к водопаду волос...

Нежные пальцы гладили бороду, плечи, грудь, от этих прикосновений замирала кровь.

Светящиеся облака соприкасались краями, тихо плыли в чёрном небе. И казалось, что они вдвоём тоже медленно парили – на головокружительной высоте, откуда уже невозможно вернуться на землю прежними людьми:

– ...

– ...

Слова были похожи на дыхание. Кто начал говорить, о чём, зачем?.. Глаза давно привыкли к полумраку, и Сва увидел маленькую родинку над её ключицей, поцеловал. Поймал тонкие пальцы, поднёс к губам, вспоминая их первый поцелуй. И вдруг заметил на запястье три тонких белых царапины.

– Что это у тебя?

– А, это... – Лави помолчала. – Это я пилилась однажды. Но облом всё, неважно.

Он не решился расспрашивать, лишь погладил бледные шрамики, косо рассёкшие кожу:

– Больше никогда так не делай, слышишь!

– Если б ты был со мной тогда, раньше... Боже, как ты опоздал! – Лави тяжело выдохнула и закрыла глаза.

А потом началось ужасное. Она уткнулась носом в его грудь и отчаянно зарыдала.

– Что с тобой? – тряс её Сва, пытаясь целовать в прыгающие губы, в мокрые глаза и ловя невозможные слова:

– Нет... ты не должен! Не должен... меня... лю... – она никак не могла закончить свою страшную фразу.

– Что ты несёшь? Мы вместе! Навсегда!

Лави замотала головой, сдерживая то ли крик, то ли боль.

Он прижался к ней, гладил, целовал, тряс, целовал опять. Потом вскочил, заставил выпить полстакана воды и сел на кровать. Несколько раз вздохнул, обтёр мокрой ладонью её лицо. Ничто не помогало. Лави сотрясала непрерывная дрожь. Не зная, что делать, он набросил на неё одеяло, накрыл сверху пальто и глухо спросил:

– Хочешь, выпьем чуть-чуть? Расслабишься. У меня много рэда есть.

Она не ответила.

Узы любви и мрака

Старики-соседи спали, похрапывая из-за двери на два голоса. Сва вышел на кухню, заварил чай, захватил из холодильника еды и вернулся в комнату, нарезал хлеб, достал вино, рюмки, чашки, уселся за стол и принялся ждать. Облака тускнели, становились серо-чёрными, звёзды исчезали под их рыхлыми краями, опять вспыхивали, вновь гасли. Темнели окна в соседних домах, из дворового провала поднималась и широкими лентами реяла перед окном тьма. Над городом тянулась ледяная, декабрьская ночь, заползала в комнату. Он поёжился, вздохнул и, будто в ответ, услышал её голос:

– Думаешь, я сплю? – Лави сидела на подушках, опершись спиной о стену.

Из тёмных глазниц к нему устремлялся неподвижный, пугающий взгляд.

– Скажи, что происходит? Тебе плохо со мной? – Сва сел рядом, обнял, посмотрел ей в глаза, тщетно пытаясь разглядеть в них знакомый тёплый свет.

Она покачала головой и твёрдо сказала:

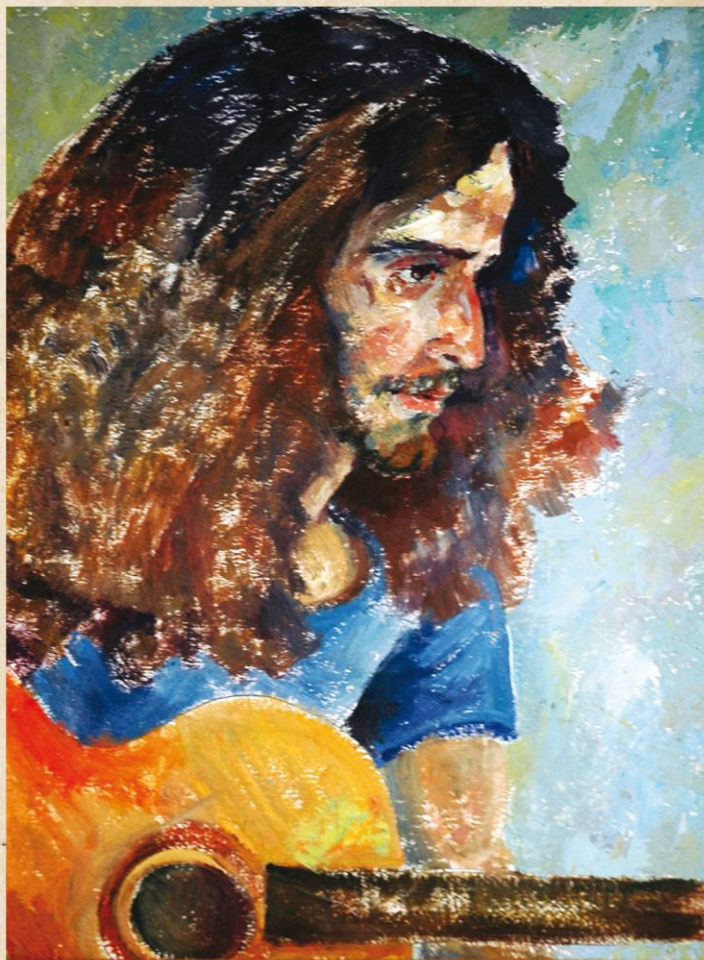
– Я тебе скажу, кто я, и ты всё поймёшь.

Сва тут же закрыл ей рот поцелуем:

– Не надо, я не мальчик.

– Совсем не то, подожди! – Лави отстранилась и закрыла лицо руками, а когда отвела их, он услышал другой, хриплый голос:

Я пришла в этот мир, чтоб исчезнуть,
в поцелуях чужих...

Сбилась, миг помолчала:

в поцелуях слепых раствориться.
Глупо верить, любить и молиться
на краю торжествующей бездны.

Закрыв глаза, она шептала всё тише:

Как расстаться мне с жизнью убогой,
улететь в синеву, словно птица?
Вижу всюду мертвенные лица,
слышу оклики смерти...

– ...из гроба, – сквозь зубы выдохнула и в упор, мрачно глянула.

Стало нестерпимо. Он поднялся, шагнул к окну, вплавил лоб в ледяное стекло и с силой зажмурился. А сзади звучал странный голос:

– Дальше там про Бога и ещё... Не хочу продолжать. Ни к чему.

Сва обернулся и, не найдя слов, помотал головой, сел рядом. Лави прижалась к его плечу, провела ладонью по груди:

– Я должна была встретить тебя намного раньше, тогда бы я так не написала... После всех дарлингов, которые у меня были – не обижайся только! – вдруг, под конец, встретился ты.

– Какой конец, ты о чём? – перебил он и, не замечая обиды, начал опять, с ласковой силой трясти её за плечи.

Лави будто ничего не чувствовала, не слышала:

– Встретился, когда уже страшно стало полюбить. А так ждала любви, всё бы за неё отдала. Но теперь не могу, ты со мной погибнешь. Лучше я одна...

Он закричал и вскочил с кровати:

– Это креша полная! Забудь эти слова! Забудь стихи свои проклятые!

– Забуду эти – будут другие, ещё хуже.

– Ты должна всё забыть! Все свои мысли чудовищные!

– А как забыть? Неужели, не чувствуешь, что смерть всегда рядом?

– Нет, прошёл этот юношеский бред! Осталась только любовь, – Сва опустился на пол перед нею, ужасаясь своей догадке, спросил. – Ты что, на наркоте подседа? Скажи честно! У тебя клины катят. Брось, Лави, умоляю! Всё пройдёт, мы с тобой будем вместе. Я полюбил тебя, это навсегда.

Она опять сорвалась в бессильный плач:

– Раньше всё было так ясно. Просто, до ужаса. Я только ждала, когда всё кончится. И вдруг появился ты.

– И вдруг появилась ты! – с силой вскрикнул Сва. – Теперь всё будет по-другому! Любовь всё изменит, веришь?

Она жалко улыбнулась и замотала головой, не вытирая слёз:

– Я слишком далеко ушла... Слишком поздно. Невозможно любить, умирая.

– Почему, умирая? Не говори так, не мучай себя и меня!

Она долго смотрела в пустое окно, будто чего-то ждала или слушала в себе:

– Милый, мы ведь не навсегда родились, а только на миг. На миг, как ты пел вчера в метро, помнишь? С первого удара, ещё девчонкой, я почувствовала, что в жизни всё будет ещё страшнее, что я не вынесу. Так и случилось, судьба моя такая. Если б ты знал... Для меня всё кончено на земле, почти всё, – она отвернулась и закончила ломающимся шёпотом: – Уже столько времени мои поцелуи – как в лицо смерти. Даже с тобой я не могу от этого избавиться. Нет сил жить дальше...

По телу вместе со страхом прошла летучая колкая дрожь, и Сва похолодел.

– Один монах сказал, что я порченная. Что блудница, грешница, что бесноватой стану... Не знаю, как отсюда вырваться, от себя спастись, – глухо выдавливала она слова и вдруг залилась слезами: – Боже, помоги исчезнуть! Хотя в этом помоги!

– Не могу слышать! – закричал он, вскочил и покачнулся от неожиданной дурноты: – Тошнит что-то...

Сва не помнил, как и зачем оделся. Будто собрался по непонятному делу уходить из дома, но в последний момент застыл у окна, глядя вглубь комнаты. Лави сидела на кровати, опустив голову. Свесившиеся волосы наполовину закрывали лицо, а грудь странно светилась в темноте.

– Что, стрёмно со мной? – посмотрела исподлобья, с тяжёлой усмешкой, но он не ответил.

Не одеваясь, она опять подошла, потянулась обнять. Потом передумала и села к столу, нащупала сигареты:

– Куда же ты собрался из собственного дома? А я дринкануть с тобой хотела. Или хоть чаю попить, – она выдохнула дым, рассеянно огляделась и покусала губы. – Жаль, травки нет, было бы в кайф... Ладно, я и так с тобою улетила, даже не верится.

Её нагота тянула и тихо корёжила тело, а душа цепенела, сжималась в бессильный комок. Сва слышал голос Лави, но слов не понимал:

– Видишь, я тебе уже всё отдала. И ничего другого, лучшего, у тебя со мной уже не будет. Вот в чём ужас... Всё бессмысленно. Нет никакого Бога, есть лишь глупые мечты о любви и счастье. Мне смертельно надоел этот абсурд, называемый жизнью, а тебе ещё нет. Разница между нами только в этом, только. А в остальном мы слишком похожи. И мне страшно за тебя. Не за себя – я уже давно всё поняла.

Перед глазами темнела, кружилась комната, и посередине сидела Лави. Он отвернулся. Хотелось, чтобы всё превратилось в идиотскую шутку, чтобы она расхохоталась, чтобы исчезла невыносимая тяжесть, повисшая в комнате.

– Ты бы оделась. На ведьму слишком похожа, прости, – не выдержал Сва.

– Да, похожа, время от времени. Ты не первый, кто заметил...

– Хватит! Не могу больше! Ты всё придумала! – сорвался он на крик и сжал зубы, чтобы прийти в себя.

– А мне гнуснейшей придумкой кажется эта жизнь, понимаешь? Даже встреча с тобою – как насмешка, когда жить уже сил не осталось. Внутри всё сожжено. Моя нежность... Кому она была нужна? Только моё тело – как закуска после вайна. От него ведь, чёрт возьми, не убывает! Клёво, скажи? – она откинулась на стуле и зашлась в плачущем смехе.

Сва зажмурился, как от пощёчины, руки стали мелко дрожать:

– Что-то мне совсем тяжело стало. Я, пожалуй, пойду, подышу, – пробормотал он и выскочил из квартиры.

Забыв о лифте, стремглав слетел по лестнице вниз. Хотелось сделать что-то непоправимое, разрушить какое-то неведомое проклятие или исчезнуть из мира, внутри которого вдруг обнажилась ледяная пустота. Он вскинул кулаки к небу и неожиданно для себя побежал. На улице не было ни души. Фонари бессмысленно освещали безжизненный город. Истоптанный, разъезженный шинами снег то скользил, то хлюпал под ногами – детская площадка, кусты, дымящаяся яма теплотрассы и трубы рядом с нею, гаражи, соседний двор, опять кусты, дырявый бетонный забор, помойка, заснеженные автомобили, дома, дома.

Сжиженный холодный воздух с шумом втекал и вытекал из груди. Сва бежал, пока не почувствовал изнеможение, и тогда медленно пошёл, завершая большой нелепый круг. Сбоку показалась красная горячая зазубрина метро. По неровной снеговой дорожке он пересёк знакомый двор – мимо стайки обугленных холодом деревьев, около беседки и обледенелой скамейки – и остановился.

– Наглоталась, накурилась дури и шизанулась, на мраке съехала. Это ясно... Лучше не думать об этом, не думать ни о чём. Попробовать привести её в чувство, поцеловать, сказать «люблю». И больше не отпускать никуда, никогда! Мы вместе пойдём ко врачам. Я вытащу её, ведь есть же в мире что-то сильнее наркоты!

Колотило в висках, рвалось наружу сердце. Сва схватился за грудь и тут же тоскливо почувствовал, что сделать ничего не сможет.

– Она меня не послушает. И других тоже. Ей уже никак не поможешь!

Он не мог представить, что скажет Лави, и в изнеможении брёл мимо тропинки, прямо по снегу. У самого дома жалость к ней кольнула так сильно, что Сва остановился:

– Теперь это моя истерика... Но что я могу? У неё креша жестокая. Её лечить надо. А как, если ей и жизнь уже в от-врат? Нет, представить невозможно, – и тут его полоснула по темени страшная мысль: – У неё всё сожжено наркотой, и мозг и душа. Давно! Моя любовь, весь мир для неё лишь отголоски бреда... Тогда остаётся лишь чудо. Чудо, которого нет.

С этими мыслями, едва двигаясь, он повернул за угол. У подъезда на заснеженных ступеньках сидела Лави и смотрела в его сторону. Поднялась и пошла навстречу.

– Не хотела уходить, не попрощавшись. Хотя, что это меняет.

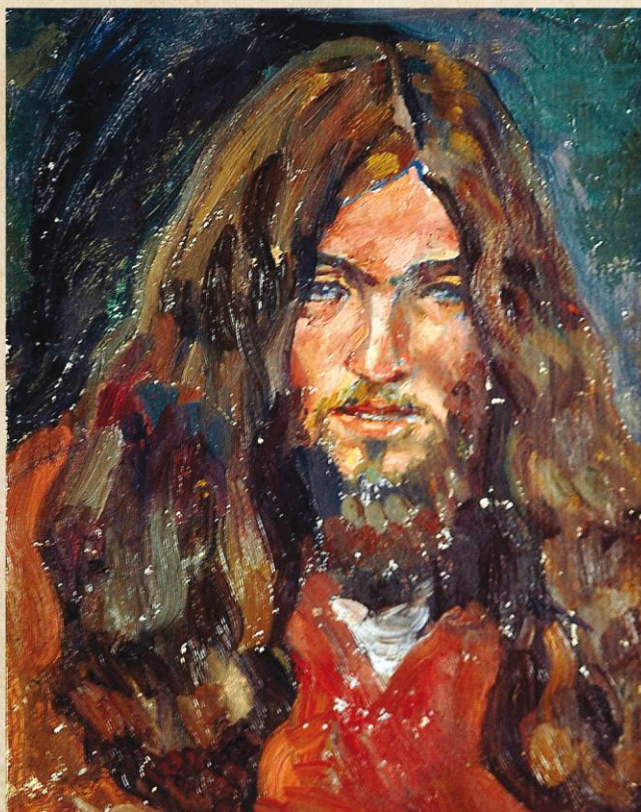
– Куда ты собралась? Сейчас... половина четвёртого. Пошли ко мне, чаю попьем, согреешься.

– Нет, я не вернусь. Поймаю тачку у метро и кончено.

– Я тебя никуда не пушу.

– Брось, ни к чему это.

– Нет!

– Силой что ли назад поведёшь? А что потом? Ты же погибнешь со мной. Зачем тебе?

– Тогда я погибну без тебя. Выбирай! – Сва схватил её за плечи.

– Я уже выбрала... И хочу, чтобы именно ты жил и любил. Любил всем сердцем, как ты можешь. Но не меня.

По её щекам текли слёзы, смывая остатки туши. Лави прижала к глазам носовой платок и быстро зашагала вперёд. Ледяной воздух сжал голову, наполнил тело, коченея на ходу, Сва двинулся следом. До самого метро они не проронили ни слова, а там, на проспекте, Лави вышла на мостовую и застыла, глядя вдаль. Матово-чёрный асфальт серебрился под фонарями. Молчание стало таким тягостным, что он произнёс, дрожа в ознобе:

– Останься хоть до утра. Успокоишься, завтра всё увидишь иначе. Останься, Лави! Опасно ночью одной...

– Что? Что? – горько засмеялась она и повернула к нему заплаканное лицо. – Мне давно ничего не опасно.

– Давай вместе поедем, у тебя договорим, – Сва обнял её, погладил по мокрым щекам, поцеловал. – А если не захочешь, я вернусь на том же каре.

Сказал, не подумав, сразу пожалел, но тут же услышал:

– Глупо это – провожать, возвращаться. Иди лучше домой! Что стоишь?

Тут он отшатнулся и в отчаянии закричал:

– Ты западло меня держишь? Вместо дауна, да? Зачем ты приехала? Зачем устроила это кино крешовое?! – с силой потряхнул её за плечи. – Я для тебя просто никто, да? Да?!

– Ничего ты не понял, – прошептала она. – Не мог понять. К счастью.

– Нет, понял! Тебе срочно в психушку надо, лечиться! Насильно!

– А есть такая, чтобы вылечиться от этой жизни? Ты знаешь? – глаза Лави опять наполнились бархатистым нежным золотом – как тот, самый первый её взгляд. – Я ведь хотела лишь попрощаться. С тобой, с моей любовью, со всем на свете. Прости, любимый. Сва...

За их спиной урчал мотор. Она отвернулась и шагнула к притормозившему «Жигулёнку».

– До «Динамо»! – потянула приоткрытую дверцу.

– Я с тобой! – он ухватился за ручку.

В ответ Лави сжала губы, замотала головой и с треском захлопнула дверь, будто говоря «нет». Мотор взревел, и неведомо откуда взявшаяся машина стала стремительно уменьшаться на чёрной дороге, на глазах превратилась в красный двоянный огонёк, но и он, мигая, двинулся в сторону и пропал.

Пошатываясь, Сва пересёк мостовую, постоял в тупом бездумье и пошёл домой.

Поздно утром он увидел на столе рядом с недопитым стаканом чая листок из её блокнота с запиской: «Про ведьму всё было неправда. Прости, любовь моя. Прощай. Навек твоя. Лави». Сел на стул, на котором ночью сидела она, пережёвывая прыгающую строчку и жестоко пожалел, что не догадался, даже не подумал взять у неё номер телефона.

Юлия Немировская

Юджин, США

Алфавит

Буква А, широкая, как овраг,
Буква О, ужасная, как обвал.
Ты, который столько сам горевал,
Столько плакал,
свернувшись в жгут,
Я за помощью руки к тебе тяну,
У,
Заступитесь, рядом на острие,
И и Е,
И ты,
Крик немого, встань за меня горой,
Ы.
Заслони решеткой меня, алфавит,
Мир людей прекрасен и ядовит,
За решеткой города,
За городами земля,
За землей острова,
Все чужое, даже мои слова.

Время

Вот вперед выходит время
Круглое как буква О
И кричит все время О
И от этого живет
Всем на свете тяжело.
Если б только было время
Например квадратное
Жить бы было мне и всем ну
Не в пример приятнее
Я бы спряталась в углу
И оттуда ни гу-гу.

Я и

Во мне чужой живет и вот он
То головой моею крутит
То он рукой моею пишет
Вся жизнь моя — тоннель к нему
Зачем я чья-то несвобода
И чей-то дух, летавший выше
В меня засунут как в темницу
И смерть моя простор ему

Шерил Перссон

Сидней, Австралия

Tick Tock

Tick tick
Stop clock

Tick tick, tick tick
Stop clock

Tick tick
Tick tick
Tick tick
Tick tick

Stop clock!

Tick tick, tick tick

I'll break your arms!

Такитик

Таки тик
Прекрати

Таки тик, таки тик
Прекрати

Таки тик
Таки тик
Таки тик
Таки тик

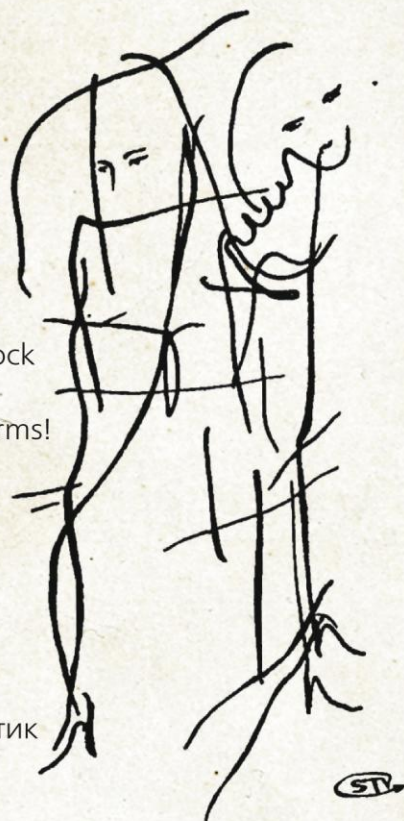
Прекрати!

Таки тик, таки тик

Я поломаю тебе стрелки!

Перевела часы
на русское время

**Татьяна
Бонч-Осмоловская**
(Сидней, Австралия)

Витрина. Рисунок **Татьяны Зоммер.**

22

Пьер Ронсар

(1524-1585)

Франция

Коли в Храм войдем вдвоем

Коли в Храм войдем вдвоем,
Осеним себя крестом
И в молитвенном смиреньи
Перед образом святым
Мыслью к Богу воспарим,
Плача в тайном умиленьи.

Но иной настанет час,
И постель заманит нас.
Там в любовном иступленьи
Мы иным огнем горим
И друг другу мы дарим
Сотни райских наслаждений.

Отчего ж ты, госпожа,
Уклоняешься, дрожа,
Чуть касаюсь шейки белой
Иль кусаю локон твой,
Исчезаешь за стеной
Кафедрального предела?

Отчего ты холодна,
Как январская луна?
Эти сладостные очи
Поцелует, зная, Плутон
В час, когда тебя Харон
Отвезет в обитель ночи?

Коль живешь – живи любя!
Ведь не станет ни тебя,
Ни улыбки этой милой –
Все исчезнет под землей.
Будет белый череп твой
Зубы скалить из могилы!

Ах, летишь ты от меня
Легче птицы и коня!
От любви так сердце тает –
Ну, хотя б страдай, пока
Эта дерзкая рука
Грудь волшебную сжимает!

Перевела
Кира Сапгир,
оса ДООСа
(Париж, Франция)

Гобелен,
посвященный Диане Пуатье.
Музей Клюни, Париж.

Диана де Пуатье – герцогиня де Валентинуа, фаворитка Генриха II Французского. Придворная дама королевы-матери Луизы Савойской, стала возлюбленной Генриха еще в бытность его герцогом Орлеанским в 1531 и оставалась ею в течение 20 лет, совершенно затмив королеву Екатерину Медичи. Оказывала решающее влияние на государственные дела. Известна как покровительница искусств. Многие поэты, в том числе Пьер Ронсар, посвящали ей стихи. После смерти короля Екатерина Медичи заставила Диану возвратить подаренные ей драгоценности короны и удалила ее от двора.

Николаев, Украина

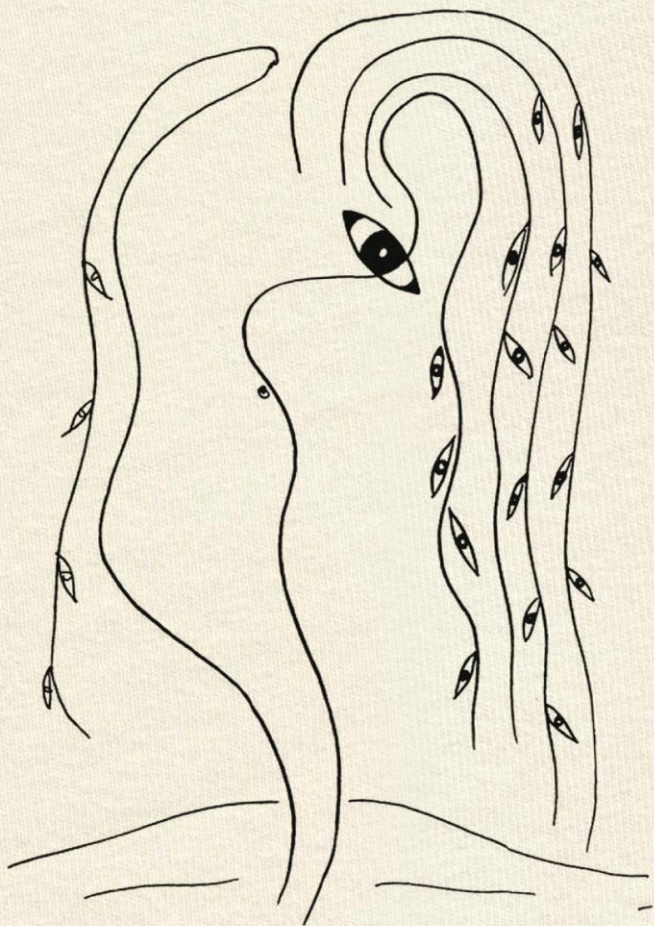
Языки

А я – на «Вы»,
А я –
Вся в брызгах
Восклицательных знаков!
Но ты не слышишь:
Тене-грамматика –
Занимательная...
И только лишь.
Спешишь –
Просыпаться.

Принося алфавит
В жертву свету.

доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Курск

INOVERS INOVERS

Ива. Рисунок **Татьяны Зоммер**.

Анна Дарлис

Белебей, Башкортостан

Рассветное

изучаю грамматику утра: подъем через ять,
ледяная вода через ерь, а горячей не дали.
научи меня в восемь ноль-ноль каждый день воскресать,
соскребая себя с потолков древнегреческих спален.

ставлю весла сушить, промокая салфетками плот:
что ни сон, то река: Карагач, Миссисипи и Лета.
захожу на балкон, как в опасный таинственный грот,
чтобы ладан курить, или лучше – твои сигареты.

две минуты – и с кафельной плитки сойдут письмамена,
ночь закроет словарь, разлетятся как осы фонемы.
будет длиться рассвет, станет плавленным сыром луна,
мы до ночи останемся зрячи, но глухи и немые.

Санар Лазимов

Дюссельдорф, Германия

Пролететь в сладких снах
Над оранжевой сумрачной сельвой приморских бульваров,
Черной нефтью морских горизонтов заполнить прохладу ночей.
И напиться, как ядом из кубка, смертельной отрады
Из немыслимой бездны твоих близоруких очей.

Мой ангел, не губи в себе надежду, –
И в бесконечном мраке есть свои открытья.
Пусть догорают те огарочки свечи,
Что освещают путь тебе в коварном лабиринте.
Верь, что увидишь Свет! – Он вечно неожидан,
О Бекки милая, ранимое создание!
Ты вырвешься из плена темноты
на вечный свет Любви и пониманья!

Фото **Елены Кацюбы**.

Н рочитал у Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» про то, как «исхищеннная, вещая свехутонченнная музыка (герой пишет цикл песен на стихи К.Брентано) в непрестанных муках домогается народной мелодии», и остановился в смятении. Какая это трудная и какая сегодняшняя правда, что высокое искусство только бьется в поисках народной простоты и обессиленно отступает. И дальше у Манна уже почти формула: «Это можно назвать эстетически эффективным парадоксом культуры: поворачивая вспять естественную эволюцию, сложное духовное уже не развивается из элементарного, а берет на себя роль изначального, из которого и силится родиться первозданная простота», и в другом месте еще решительнее о «деградации от детски-народного к причудливо-призрачному».

Это немножко по-немецки громоздко и на первый взгляд относится к одним тонкостям искусства. А на деле-то – ко всему происходящему сегодня с человеком, да и с человечеством (пишет-то немец). Чтобы поестественнее выйти из музыки на просторное поле повседневности, вспомню еще, как давно прочитал у старого русского писателя Владимира Сологуба в его мемуаре о Глинке и подчеркнул для себя: «В его музыке не было ничего вульгарного, грубого, недоделанного, изысканного». Какой странный ряд, и как у него рядом грубое и изысканное. А мы-то «изысканное» чуть не к похвалам относили, чуть не по аристократии проводили. А он, аристократ-то (граф Сологуб) вон как! И, видите, как близко к манновской «исхищенной музыке». Скоро и догадаешься, что изысканность – только знак глухоты к подлинному, знак неумения пробиться к существу явления.

Художник кружит в словах (давайте о слове – тут все понятнее и роднее), преследуя явление или чувство, но не умеет ухватить его зерна, косточки в нем, и вместо того, чтобы сказать нам о сердце того, что мучает его, предлагает набор платьев, гардероб приблизительных одежд. И ему-то вот, как манновскому композитору Леверкюну кажется, что он ухватил ключ, родник первомузыки, а выходит одна «свехутонченность». И происходит это именно потому, что «сложное духовное уже не развивается из элементарного, а берет на себя роль изначального».

Как мы действительно долго живем со словом и в слове! И уж столько раз подвергали его испытаниям разных контекстов, что оно постепенно расшаталось. Вот и тут как-то почти обидно: неужели «сложное духовное» должно развиваться «из элементарного» – так мы успели унижить и презреть «элементарность», тогда как она только первоначало мира, та самая косточка, адамово название. Вон даже и Толстому казалось, что пушкинская «Капитанская дочка» написана «голо как-то» и хотелось потоньше и посложнее. И сравни сейчас родниковую простоту Пушкина с изобретательной, порой прямо прустовской образностью «Анны

Карениной», так и увидишь, как Толстой уже преследует паутинные оттенки чувства, так что хочется при чтении увернуться, словно он и тебя видит насквозь. Хотя они оба еще там – в жизни, в изначальности, в «первозданной простоте», так что Б.Зайцев и о Толстом сказал, что он «взял и голыми руками написал «Войну и мир». И настоящий поворот «естественной эволюции» начнется все-таки позже.

Что же это за поворот, тревоживший Манна в своем герое и который, когда мы как следует поглядим, и нас уже настиг, а мы только обманываем себя, что с нашей эволюцией все в порядке и никакая она не обратная. Поворот тут же у Манна и сформулирован именно в словах «берет на себя роль изначального». Безжалостно и точно: «берет роль». Все мы теперь «в роли». Без «изначального-то» никуда не деться – куда душе без основы? А основы-то там уже и нет. Там уж вместо почвы давно одни слова о ней. Вот и приходится притворяться, что все на месте, что крестьянин по-прежнему крестьянин и креста с себя не снимал, а рабочий – рабочий.

Никак не забуду, как летом, когда мы плыли по Ангаре, по ложу будущего водохранилища Богучанской ГЭС, старухи в беседе с Распутиным умело изображали старух, потому что уже из литературы знали, чего ждет от них русский писатель. А он только мрачнел и отворачивался, потому что «роль» эту видел. И их-то, правда, особенно не обвинишь – их топят кого второй, а кого и третий раз, перевозят из «старости» в «новость». И они, уже потерявшие родину и читавшие «Матеру», рады обещанному городу, чтобы не сидеть на чемоданах. А в печаль по уже умершему в их сердце давно опустевшему селу уже только искренне играют.

Мы, кажется, и все уже давно и незаметно съехали в игру, и кто умело, а кто так себе играем в чиновников, законодателей, членов партии (ни за что не поверю, что в России возможна теперь строгая, готовая на смерть за свое дело и идею партия – а без этого она одна бесстыдная жажда власти).

Как это почувствовал еще перед войной умный нидерландец Йохан Хейзинга, увидевший механизм игры во всей мировой культуре. Он в философии, а рядом с ним в те же годы не менее ярко в прозе тот же Т.Манн, Г.Гессе в «Игре в бисер» и М.Булгаков в «Мастере и Маргарите».

Да только мы говорим о другом. Всегда человек играл, настолько, что и в войне умудрялся видеть «театр военных действий» и в низкой политике – «арену». Но там это еще была игра опасная, потому что ее материей была жизнь. Игра была формой усвоения и приручения жизни, способом её называния, продолжением делящейся работы по словесному определению мира. Но уже формой беспокойной, раз художники и философы разом «заметили» её. Почему и

«Доктор Фаустус», и «Игра в бисер», и «Мастер» воспринимались так горячо, так всеобще и так тревожно. В них была граница. Дальше слово разрывало с Творцом и уверялось в собственной власти. Слово было уже не в начале, а в конце и уже только притворялось начальным. Хотело быть жизнью, но уже не умело быть ею.

Слово перестало быть плотью. Это страшно договаривать до конца, потому что в первом значении оно было сказано о Боге — «стало плотью и обитало с нами» и было Христос. Неизбежным следствием разрыва слова с небом, как оно до этого уже разрывало связи с землей, явилось естественное множество сект, пустившихся в игру на полях Евангелия. Со словом, лишенным корней, стало можно обращаться как угодно. За него уже не надо было отвечать на Страшном суде, потому что и сам Страшный суд стал только метафорой.

Вот почему манновский Леверкюн из «Доктора Фаустуса» со своей «исхищенной музыкой» кончил прямым договором с чертом, переняв этого иронического собеседника Ивана Карамазова в свои «соавторы». И Йозеф Кнѣхт, великий магистр из «Игры в бисер», почувствовав опасность холодной виртуозности самовластного ума, попытался выйти из игры, но уже не мог сделать этого и Бог знает, по своей ли воле ушел на дно горного озера. И Мастер летел на крылатом коне с темным Воландом в объятия ночи, чтобы возвестить пятому прокуратору Иудеи Понтию Пилату «Свободен! Свободен!» и чтобы кто-то за это отпустил и самого Мастера на свободу в пустоту покоя с потухшей памятью. И, думаю, что этот кто-то не был Спаситель.

...И тут я неожиданно останавливаюсь в смущении, потому что вспоминаю, что уже писал об этом в старых своих дневниках в 1988 году, когда, читая Хомякова, дивился, что уже и его тревожило, что на место национально целостного живого существования, да и просто жизни приходит «вера

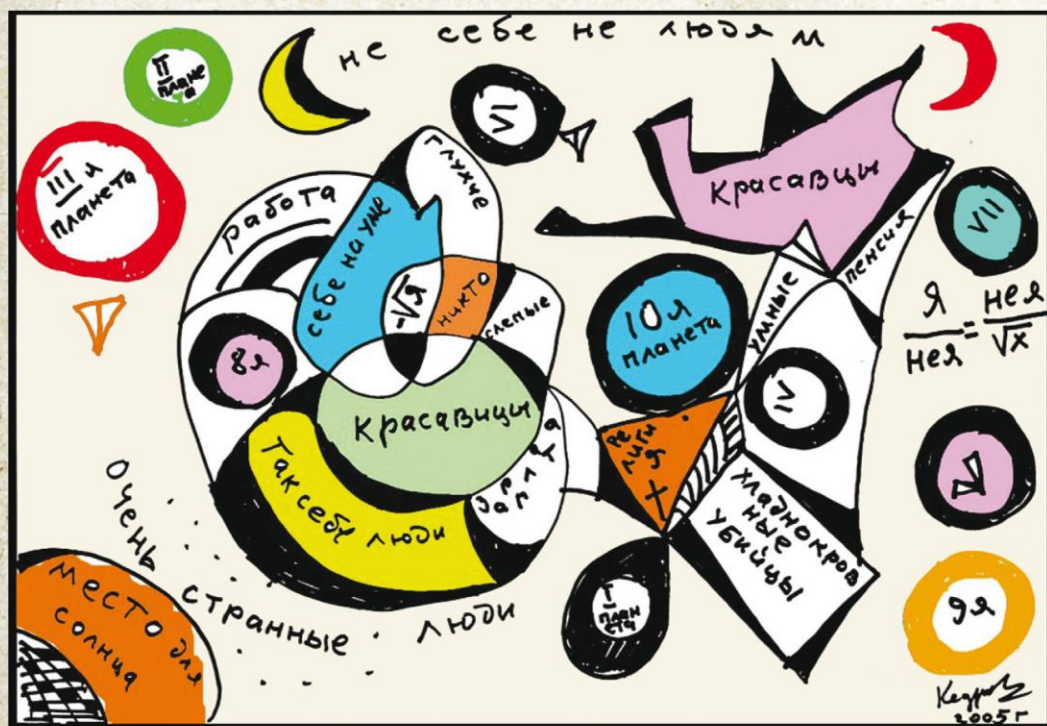
в искусство, в славу, в прекрасное», хотя он еще и думать не думал, как далеко зайдет в нас эта «вера в искусство и в славу». Тогда же я, оказывается, уже подчеркивал у О.Михайлова, что «никакая общая мысль не связует более народов и жизнь иссякает в своих источниках» и в 1993-м страшился «мертвого наступательного и внутреннее неуверенного интеллектуализма» (ах, когда бы «неуверенного»). А уж в 95-м и не дивился, что вот уже и постмодернизм клонится к кризису, хотя «идущие во главе колонны лучшие современные художники Рубинштейн, Сорокин, Пепперштейн и отчасти Кибилов еще как-то пытаются найти выход из кризиса постмодернизма».

Пора было привыкнуть, читая Д.Бавильского и А.Бузулукова, В.Пелевина и Б.Евсеева, В.Микушевича, и М.Палей, и О. Славникова, что мир давно только повод к тексту. Да и не повод даже, а сам текст, постмодернистское произведение, которое так весело переписывать «от руки», уже не обременяясь, как комплексующие старики Т.Манн, Г.Гессе или М.Булгаков тоской по «первозданной простоте».

А вот отчего-то не привыкается к оскорблению организма жизни, обращению его в механизм. Жизнь вскидывается, ища защиты. И живой человек в тебе сопротивляется ссылке в симулякры и плоские персонажи для забавы литературных своевольников. Ты-то, может, себя и предашь, да Бог еще за тебя постоит, и ты узнаешь благословенную тоску по «элементарному» и «детски-народному». И «обратная эволюция» еще подождет с окончательным торжеством.

Помните, что было сказано ученикам в Гефсиманском саду: «Бодрствуйте и молитесь!» Но сон был сильнее их. Они еще не знали, чем обернется их сонливость.

Но мы-то знаем! Что же сон всё смежает нам веки?

НЕ СЕБЕ НЕ ЛЮДЯМ

Визуальное
стихотворение
**Константина
Кедрова**

Татьяна Зоммер
ДООС – Зоммерзавр

ИВАН-ГЕЛИЕ ОТ INET-ХЛЕБ-НИКА

1. NET ХЛЕБА – ешь ХЛЕБНИКОВА

net хлеба –
ешь Хлебникова
Хлеб Ников –
поэт-net-поэтов
хлеб net-поэтов
кровь net поэтов
кров netпоэтов
крыша мира
и пуп земли
крыша всего горит
крыша поехала...
кто-кто крышует?
поможет надежная
крыша
– Хлеб Никoff –

ники крышуются
не спеша
все в наволочке
дней твоих
и net-голове
в руки захочешь
взять –
и net шиша

2. NI-NI на ВЫВОЗ

Хлеб Хлебников
как краб крабов
глазаст во
все стороны слов
простираем в мире
подвижн никами
Хлеб Ников –
ешь его ешь
но не взахлеб
пi-пi на вывоз
хлеб будущего
хлеб на вырост
сцеплен из того
что было
и будет
словотворец –
мирил сейчас-слова
со словами будущего
ставил рядом

слова-тапки
и слова-сороходы
слов Творец –
словотворЕц
слов дворец
но не словодворец
не слАвотворец

творя слова
славя слова
– плевал –
на земное
попадая в то
что еще грядет
словогромом
в космосе

не о секире
настоящего думы
ХлебНикова –
о будущей жизни
слов в Мире...

лингвоманьяком
раскольниковым
топоро-
размашисто
головорубил
слова
расчленил
обветшалый
скопидомный
телослов
на свежую
вязь слогов

потрошил
не жалея
собственное
нутро
вытягивая заново
буквы
как жилы
сшивал кетгутом
из обрубков
– не речь –
демиурговы гимны
крутил
рупельно

воз-вращал
силу слов
воз-Веляя Миру
о новой жизни
слов-
инослов

3. НЕПОРОЧНОЕ заЧаТие ХЛЕБОМ

Хлеб Ников –
таких на племя
таких на семья
семена Хлебникова
хлеб-никовские
слова
– словокрошки –
разбросаны по миру
на судьбоносных
досках
ушли далеко
в космос

всем так и хочется
стать голубем
небесным
стащить с доски
хоть крошку
подхватить
вирус хлеба
залететь
птичьим гриппом
непорочным
заЧаТием
стать Вели-Мирчиком
слегка
забеременеть
Хлеб-Ником
пусть в своих
стихах
повелевать
словом
путь в своем
мире
вскрывать
бесконечную
собственных
миров слов
именем

себя великого
вращивать
собственное
хлебное
семя
на племя

4. ИВАН-ГЕЛИЕ от INET-ХЛЕБ-NIKA

о, Хлеб-Ник
народный рое-
производитель
пуп земли
носом пахал
хлеб на гора
выдавал

землю крестьянам
а Хлеб
Хлеб-Никовский
– роетам –
чтоб и в самые
голодные годы
поэты
были всегда
с хлебом
эх, Хлеб Ников
хлеба-то народил –
хлебать
не перехлепать
стихи-на-хлеб-niki
как щи лаптями

мальчиши –
интернет-поэты
бегут-кричат:
нам бы только
день f офисе
продержаться
да ночь f seti
простоять

пароходы-хлебоборбы-
хлебоборобы
плывут-трубят:
смотрите
вот идет по сети
дух ХлебNикова –
Хлеб Nik!
и говорит с нами
Иван-гелие
от имени
всего главного
Inet-Хлеб-Nika

Аркадий Перенов

Улан-Удэ

«Велимир Хлебников с тополиным листком»
Чернильные ручки, масляная пастель, бумага.
25 декабря 2011 г.

Владимир Павлов

Великие Луки

ЗВОНАРЬ

(палиндромон)

Велимиру
Хлебникову
посвящается

Нов звон.
Радуй удар.
Гударь радуг.
Веры рёв.

Но в зареве вера, звон...
Вид зев звонарь, рано взвездив.
Мало колоколим – мило колоколам.
Иней гиени.

Летела летель
Молебен сне белом.
Лепо рот оторопел.
А хулой олуха.
Лето, потел.

Но в зареве вера, звон...
Вид зев звонарь, рано взвездив.
Мало колоколим – мило колоколам.

Веры рёв.
Гударь радуг.
Радуй удар.
Нов звон.

Марина
Розанова

БЫТЬ ЛИ БО — ЛИ?

Как-то древнекитайский поэт Ли Бо, отличавшийся некоторой легкомысленностью в вопросах переселения души, решил из любопытства на время перебраться в тело кота, чтобы с комфортом подремать. Обнаружил он себя привязанным возле котла с кипящей водой и осознал, что ему предстоит буквально на своей шкуре ощутить, что такое в действительности легендарный суп с котом. Так бы и случилось, если бы не маленькая китаянка, которая пробралась в лагерь воинов мятежников, чтобы выкрасть кота, обреченного на съедение. Она помогла ему освободиться, но была замечена и схвачена. В одном из воинов, которому слегка мешала жить несвойственная китайцу доброта, шевельнулась жалость, но, тем не менее, он и не помыслил спасти погибающую девочку. Это совершенно не вписывалось в его незыблемый кармический менталитет.

Маленькая неспасенная китаянка не придумала ничего лучше, как в обиде реинкарнировать в Ан-

глию 15 века, чтобы проводить время в прогулках по побережью, напрочь забыв свою прошлую жизнь.

Воин, в котором зарождается человечность, перестает быть воином, и соответственно обречен быть убитым незамедлительно. Исходя из причины своей гибели, китайцу пришлось, родиться тоже в 15 веке, но все-таки следуя естественному ходу перевоплощений, в Китае. Достигнув зрелого возраста, китаец с удивлением для себя почувствовал некую потребность снарядить корабль с китайскими специями для торговли в Англии, где его товар, как он сам хорошо соображал, никому ни на что не сдался.

Англичанка прогуливалась вдоль берега с котом на руках. Это было единственным ее отличием от стереотипа поведения англичанки, но и этого хватало, чтобы соседи ее слегка сторонились. Кота тоже не жаловали его собратья, поскольку он почему-то позволял таскать себя на руках бессмысленному двуногому существу.

Зачем ее отцу понадобились дурацкие китайские корни? Зачем она встретила глазами с глазами немолодого китайца? И как она вообще внутри китайского прищура обнаружила глаза?

То, что входит через глаза, еще не знает, что попадет в плен тела. Или наоборот — тело попадает в плен того, что входит через глаза. Она просто улыбнулась, и ничего больше, а он просто пошутил так, как уже шутил миллион раз в жизни, и никто ни о чем не помышлял, а то, что попадает в тело через глаза, вдруг заставило их стремиться друг к другу.

Их что — тела, души, астральные сущности, что? Они гуляли и смеялись, болтая о всяких пустяках, и она понятия не имела, что для китайца просто погулять с женщиной означало перевернуть в себе все представление об устройстве мироздания. Китайцы не любят ничего перевернутого, и поэтому однажды утром на берегу англичанка не обнаружила ни китайца, ни корабля. А что такого она собственно сказала? Она сказала «если бы мой кот заговорил, он заговорил бы с твоим акцентом».

Внутри наружу.
Картина Дженни Моберли
(Пенсильвания, США).

Он все равно уехал бы, но он уехал молча. Ее тело растерянно металось по берегу, пока что-то внутри разрывало на части. Тело – сущность глупая. Оно не знает, что такое – непреодолимость, что ему не переплыть море, но оно знает, что это что-то, что проникло через глаза, гибельно подталкивает его в волны и еще неведь куда, лишь бы прекратилась мука. В тот период, в который люди могут справиться с нахлынувшим на них, только слившись друг с другом, этих двоих разделяло море. Англичанка была уверена, что бессмысленные страдания достаются исключительно ей, а тот, другой, восприняв все происходящее, как ненавязчивое приключение, продолжает свое привычное легкое комфортное времяпрепровождение.

Возможно, он тоже мучился, думая какими иезуитскими способами прекратить эту изнуряющую боль. Возможно, нет, поскольку китайцев учат игнорировать боль. Боль – это тоже часть Бога. Боль не прекратилась, зато материализовалась. Англичанку на берегу свалила с ног лихорадка, эзотерически перевалив ее груз на парочку литературных героинь, одной из которых в будущем пришлось класть голову на рельсы, а другой, дождавшись грозы, бросаться с обрыва.

Жизнь устроена несколько прагматичнее литературы. Достаточно было уложить англичанку в постель с ознобом и коликами, чтобы она забыла не только о душевных страданиях, но и о существовании души как таковой. Кот, во время болезни хозяйки не покидавший ее ни на минуту, обессилел от старания помочь и испустил дух, и в ту же минуту в глазах местного английского поэта вспыхнуло что-то кошачье. Стоит ли говорить, что вскоре англичанка стала гулять по берегу уже с поэтом, правда, в его стихах с этого момента стало проследиваться что-то, напоминающее мурлыканье.

Так и странствовал поэт из человека в тело кота и опять из кота в поэта, из века в век, с одного континента на другой, пока в далекой заснеженной стране не возникли строки «быть и Ли не быть», что должно было звучать как «быть, Ли Бо, не быть», но что значит столь незначительное искажение по сравнению с пониманием «Россия – последняя реинкарнация». Потом – только навеки с Христом. Ну, или суп с котом.

Что стало с торговцем специями точно неизвестно, но рассказывали про какого-то странного китайца, который, вернувшись из Англии, бросил коммерцию и принялся спасать всех подвернувшихся ему кошек.

Евгений Таран

У любви короткая строка,
И в конце всегда звучит пока.
В телефоне мечется «алло».
До свиданья, дорогая О.
Ля в конце звучит скорей как ре.
А и Бе играли во дворе.
У любви короткая строка,
Но в конце не точка, а тире.

До – это Дом офицера.
Ре – это высшая мера.
Ми – это мизерный шанс
Вас усадить в дилижанс.
Фа – фантастический вечер.
Соль никого не излечит.
Ля – это бунт корабля
Или другая земля.
Си – это просто такси
В стылую зимнюю полночь,
Где, убегая как сволочь,
Кто-то прикажет: вези!

Монтеры с монтировками
Пойдут себе Петровками,
Варварками, Дубровками.
Пойдут себе Дубровскими,
Босыми Маяковскими,
Бесстыжими Каховскими
И Пестелем сверкая.

где

Падать	третиаковский
Спать	тарковский
Надевать	татра
Ать	та

Ский через ать отправляется на кровать
Так будет ближе вать через овский

Лара Мареева
Северск

$C + O_2 = CO_2$

Я дома сегодня, но игнорирую все звонки. Давно хотел себе выходной устроить. Я заново разучился писать стихи. Для этого, в сущности, надо быть посторонним в собственной жизни, и незнакомцем в своей душе, а я им быть, мне кажется, перестал. Вчера как будто бы про себя, ни для чьих ушей, «Ab igne ignem, — сказала ты, — Цицерон не врал».

Но мне другой император на ум пришёл, который, конечно, был не такой мудрец, который в своём безумии Рим поджёт, чтоб творческий кризис закончился, наконец.

Когда человек какой-то сказал при нём — в сердцах, в запале, неведомо, почему: «Когда умру, пусть пылает земля огнём!» — Нерон ответил: «Нет, пусть пылает, пока живу».

Быть может, настал момент признаться в своём бессилии. Чем дальше, тем с каждым днём слабее моя душа. Да, как бы сказал герой в одном странном фильме: «Она была рыжей. В ней был кислород, которым я мог дышать».

В последнее время при встречах я всё молчал. Слова прогорали первыми — без остатка. Я вспыхивал, как лампочка, как свеча, как бикфордов шнур и как воровская шапка. Я раскалялся и плавился, как металл. Не прикасайся ко мне, а не то обожжёшь ладонь. А ты зачарованно, молча смотрела, как я пылал. Я знаю, что ты бесконечно могла бы смотреть на открытый огонь.

На мне — яичницу жарить, картошку печь. «Открой окно, включи кондиционер». «Игра не стоит такого количества римских свеч, но я от тебя могла бы прикуривать, например».

И я в ответ засмеялся немного жалко. Иронию плохо воспринял расплавленный страстью мозг. «Ты знаешь, когда у тебя опять сломается зажигалка, ты можешь мне просто сказать — и я сбегаю вниз, в киоск».

Мне кажется: чем дальше, тем горячее. Тем ярче свет, повсюду — костры, костры. И где бы нам столько теперь отыскать свечей, которые будут стоять такой игры.

Нам дым и гарь проедали глаза до слёз. Тебе не зря, конечно, вспомнился Цицерон. Когда я спичку губами к тебе поднёс, ты крикнула вдруг: «Ну, что ж, от огня — огонь».

А может быть, как в мультфильме, «всё было наоборот». И это ты поднесла ко мне раскалённый прут. Ах, в нашей игре и жертвой, и Цезарем будет тот, кто первый успеет крикнуть другому: «Брут!»

Мы спорим: так всё-таки, кто кого отравил? И кто кому, аплодируя, скажет: «Бис!» Ну, что же ты, неужели слова забыл? Сейчас ты должен воскликнуть: «Какой артист...!»

Как разобраться, где правда, игра, где ложь? Как догадаться, распутаться, рассудить? Вышедший месяц вынул карманный нож. Мы ждём вердикта: кому же теперь голить?

И что с огнём нам делать теперь двоим? Какой же выход можно придумать тут? Я знаю, помню, что гуси когда-то спасали Рим. Но лебеди вряд ли кого-то из нас спасут.

Мне Мефистофель снова тычет в лицо контракт. И я дрожу, искушённый его ценой. Любовь сильнее смерти, и кажется, это факт, но сможет ли она быть сильнее себя самой?

Меня, конечно, вряд ли можно назвать алхимиком. Ну, так получилось, не знаю... так вышло, что тут у меня пробел. Но ведь очевидно, что он не закончил — герой в этом странном фильме. «Она была рыжей. В ней был кислород — поэтому я горел».

Герман Гецевич

ГЛАСНЫЕ

вместо фамилии имени прочества
вместо всего

лишь округлившееся одиночество:

О!

не с кем баюкаться..., не с кем аукаться...
и наяву

шумным туннелем сужается улица:

У!

утренний ветер дымящимся штапелем
глушит слова
будто бы в рот металлическим шпателем:

А!

что это: крайняя степень бессилия?
происок молвы?

ыли ызлишек ыкотной ыдиллии?

Ы!

если бы зиждилось время поэтово
лишь на вранье –
было б ей богу им всем не до еного:

Е

вечером на Павелецкой у Юзефа
в пьяном раю
любочки русские юбочки юзкие:

Ю!

тот СКВ заработал в Амэрике
этот – в Москвэ
а у меня западает на «Эрике»:

Э!

Я надо мной на веревке качается
словно бельё
вслух возмущается и получается:

Ё!

но в крутизне переулка московского
блеф забытья
не отвоюет у В. Маяковского:

Я!

ЦИФРЫ

на **6** вие цифр
о **100** чертело
со **3** свой шифр
с рас **5** ого тела

не верь г **1** ам
с вну **3** свинцом
в **7** е будь – сыном
в стране – жильцом

разбей скрижали
сожги псалмы
в пу **100** м по **2** ле
своей тюрьмы

1992 г.

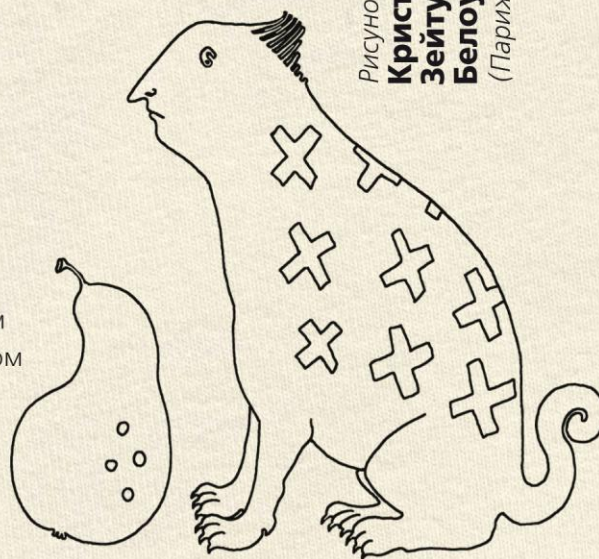

Рисунок
**Кристины
Зейтунян-
Белоус,**
(Париж, Франция).

Кристина Нийради

Вена, Австрия

Пожалуйста, танцуйте вальс
(все танцуют вальс)

Вена
это не просто город
это музыка – жизни ритм задаёт
это чувство, которым сердце живёт
после ночи цвета вина
в ликовании высокого неба,
влекущее до последнего дня.

Вена
со смешинкой воспетая, с подковырочкой любимая,
слишком часто трёпом замусоленная, ненавидимая,
муза для поэтов, художников, непризнанных гениев,
сцена для мечтателей и комедиантов,
для критиков, пессимистов, сумасшедших
и... для счастливых, как я.

Вена
это состояние вечно меняющегося восторга
из ностальгической печали, ликования и счастья,
все желания небесно звучат
но вдруг ты видишь свою Вену не парадной,
а просто так
лишь звучит ещё её прощальный вальс –
три четверти такт.

Станцевал венский вальс по-русски
Виктор Клыков (Вена, Австрия)

О себе

Здесь колыска, здесь и телеса...
Ну, а я и легкий и подвижный –
Улетаю в дивные леса,
Замираю бабочкой недвижно
На медвяном
сладостном цветке,
Пью нектар.
И выше, выше в дали
Ухожу в таинственном витке,
Только лишь меня тут и видали.
Дышит плоть
И хлеба просит плоть,
Это тоже я,
Куда же деться?
Только пусть простит меня Господь,
Я крылатый,
если приглядеться.

Хочу я рассказать,
Как дождь прошел,
Как он пробарабанил
По дорогам.
И как я друга
В том дожде нашел,
И как он рассказал
О многом-многом...
Про странствия свои,
Про облака,
Где родился он,
Буйный и веселый
И как он проливался
На стога,
И как врывался
В города и села.
Вначале я продрог,
Был очень зол
И отжимал
Безудержно рубашку.
Но только душу он
Мою нашел.
Он сам пришел
С душою нараспашку.

Как я поступал в литинститут

В детстве я переболел полиомиелитом, и остаточные явления у меня в тяжелой форме существуют и до сих пор. Собственно, здоровой у меня является только левая рука, да и то не полностью. Остальные конечности, как бесплатное приложение. Пишу стихи и прозу я с детских лет и поэтому, когда я окончил среднюю школу на дому (ко мне приходили учителя), мысли и устремления к продолжению образования были направлены только на Литературный институт. Но тогда это было для меня чем-то фантастическим, нереальным. Я узнал, что даже для заочного обучения, нужно раза два в год по месяцу быть в Москве на сессиях. А одному мне это было не по силам.

Моя семья состояла тогда из родителей, бабушки и брата Сергея, которому в то время исполнился 21 год. Он был художником. Закончил Мстёрское художественное училище лаковой миниатюры и работал на художественной фабрике во Мстёре. В начале 1976 года, узнав условия поступления, я послал на творческий конкурс в Литинститут стихотворную подборку. Ответа ждал с трепетом, хотя, каким образом буду ездить в Москву, не представлял. Ведь я даже по дому передвигался в кресле на колесах. Посылая документы, я ни полусловом не обмолвился об этом. И вот в июне получаю вызов в институт. До сих пор помню эту минуту. Домашние сушили сено, был солнечный денек. Я сидел в этой душистой атмосфере с вызовом в руке и был очень счастлив. У меня до сих пор аромат сена ассоциируется с чувством моего превращения в законного абитуриента.

На семейном совете решили твердо – ехать поступать. Кроме подготовки теоретической, нужно подготавливаться и практически. Главное, где жить во время экзаменов? Общежитие Литинститута находилось в районе ВДНХ, и возить меня оттуда на занятия каждый день было совершенно нереально. Значит необходимо искать квартиру где-то в окрестностях Тверского бульвара.

В этом нам вызвались помочь мой двоюродный брат

художник Федор Шапаев и его жена Лидия. Но они вначале чуть было не сделали роковую ошибку. Зашли в Литинститут, чтобы поговорить с сотрудниками, может быть, у кого на примете есть какие-нибудь ближайшие квартиры. Их послали к проректору. Он выслушал, нахмутив брови, и потребовал мои документы из экзаменационной комиссии. Полистав дело, сказал, что я ничего не сообщил об инвалидности, и начал известную песню, что учиться мне будет трудно и т.д. и т.п. Шапаевы испугались, что для меня будет кончено. Но вовремя заметили, что проректор при ходьбе прихрамывал – вместо одной ноги у него был протез. Тут Лидия пошла в наступление. Как же, мол, так, вы сами инвалид, у вас, мол, тоже были трудности, что же вы не хотите дать человеку шанс! И это подействовало. Хотя в смысле квартиры проректор не помог, но и никаких оргвыводов не сделал.

Шапаевы пошли по ближайшим к институту улочкам, но нигде не соглашались брать на постой инвалида на коляске, тем более на целый месяц. Совсем отчаялись, но зайдя к одной старушке, которая тоже вначале отказывала, Лидия заметила у нее иконы и горящую лампадку и стала умолять ее именем Божиим. Вот тут старушка согласилась. Марина Дмитриевна Тельнова и вправду оказалась добрым, душевным человеком. Нам дали телеграмму, что комната найдена, смело приезжайте. И мы стали собираться.

Почему-то нам удалось, что дверь в вагон поезда узкая и коляска туда не пройдет даже в тамбур. А она у меня была среднего размера, куйбышевская. Впереди два велосипедных колеса, а сзади два маленьких. В те времена складные коляски были редкостью. Спешить нам было некуда, и мы решили ехать на электричках, в них были широкие двери. В то время не было прямой элек-

трички до Владимира. И потому нас ждали пересадки – в Коврове и Владимире. Отец и брат Сережа решили везти меня. Главная тяжесть, физическая, падала на Сережу. Конечно же, всю ночь перед поездкой я не мог уснуть. В висках билось одно лишь слово: «Москва». Когда-то маленьким я был там. Отец с матерью возили меня показывать какому-то профессору, медицинскому светилу. Помню, куда-то нужно было им идти пешком, и мама с папой несли меня по очереди. Помню, у меня сдувало соломенную шапку, и они ловили ее. Потом это медицинское светило долго не принимало, и мои родители вместе со мной несколько часов сидели в приемной. И только после того, как мама, отчаявшись, пригрозила, что повесится прямо над его столом, профессор принял. Только вот никакого проку от профессорской консультации для моего выздоровления не было.

Электричка шла рано утром. Конечным пунктом был не Ковров, а следующая за ним станция Новки. Я держался рукой за Сережино плечо и, как говорится, на закорках, он втащил меня в вагон. Если бы платформа была высокая, можно было бы на коляске въехать, а так мы с ней попали в вагон по отдельности. К нашей радости, было не так много народу. Но радость была преждевременной. С мелких полустанков до Коврова людей набилось, как сельдей в бочку: тут были и грибки, и дачники, и едущие торговать на базар. В Коврове же электричка стояла две минуты, и нам надо было ожидать, пока эта толпа схлынет, и в быстром темпе спускать вниз коляску, сумки, набитые учебниками. И уже только потом Сережа взял на плечи меня. Только он дошел до двери, электричка тронулась. И ему пришлось прыгать на ходу с таким тяжелым грузом на спине, как я. За своей спиной я почувствовал, как сомкнулись с хрюстом автоматические двери.

Не знаю, что было бы, если этими дверями меня сжало, но, слава Богу, этого я не испытал. Но Сережа чуть было не упал вместе со мной, ведь прыжок был на грани фантастики. Хорошо папа поддержал.

Сели мы, пригорюнившись, и стали думать, что делать дальше. Путь на электричках нас больше не прельщал. И решили мы, не жалея никаких денег, ехать в Москву на такси. Но почему-то никто из таксистов этого не захотел, ведь коляску надо было бы класть в багажник и ехать с поднятой крышкой. А таксисты боялись гаишников. Один согласился довезти нас только до Владимира. Ну что ж, хотя бы это. И тут новая досада. Коляска никаким боком не лезла в

багажник. А такси-универсалов, которыми мы в будущих приездах пользовались в Москве, у вокзала не было. И все ж, сняв большие колеса на коляске, сунули ее в багажник. Крышка, хотя и меньше, но торчала. По поводу этого таксист сказал, что если его остановит ГАИ, штраф придется платить нам.

И вот, наконец, мы уселись. Колеса от коляски держали у себя на коленях. Уже выехали за город, и вдруг у водителя затрещала рация, и мы услышали далекий голос, что пассажиры оставили вещи. Мы сначала никак не отнесли это к себе. И только когда таксист спросил, все ли у нас на месте, мы обнаружили, что сумок-то и в самом деле нет. До того увлеклись укладыванием коляски, что про все другое и забыли. Таксист потом говорил, что нам очень повезло, что в машине оказалась рация, ведь большинство такси ездят без нее. Скорее всего, хватились бы сумок во Владимире, а ведь там были и вещи, и учебники, и документы. Ужасно даже было представить это. Когда мы вернулись на вокзал, сумки преспокойно стояли на скамейке.

Во Владимире мы не могли уломать таксистов ехать до Москвы. И тут увидели, что готовится к отправке автобус «Гусь-Хрустальный – Москва». Водитель долго не соглашался помещать коляску у входной двери, твердя, что это опасно в противопожарном отношении, но, когда мы предложили ему деньги сверх билета, он согласился.

И вот, наконец, мы приехали в Москву, и уже на такси-универсале, куда коляска поместилась без снятия колес, прибыли на вожаемое место: Тверской бульвар, 25, где находился Литинститут. Там и высадились. Дом же, где нашли комнату, находился совсем близко. Надо было пройти по тротуару мимо театра им. Пушкина и завернуть в Богословский переулок. Там стоит небольшая церквушка. А нужный нам подъезд располагался почти напротив нее. Квартира была на первом этаже. В нее вели пять-шесть ступенек. Отец, со свойственной ему практичностью, нашел у церкви, она в это время как раз реставрировалась, две доски. Вот по ним-то можно было легко вкатить и выкатить меня. Квартира была коммунальной. В одной из комнат жила престарелая то ли бывшая купчиха, то ли дворянка. К другим жителям она относилась с пренебрежением и свысока. В другой комнате жил артист балета. Были еще жильцы, но мы их видели редко. Наша хозяйка Марина Дмитриевна имела две комнаты. В одной жила квартирантка, студентка художественного вуза, в другой она жила сама. Вот эту-то свою комнату она и отдала нам во временное пользование. Сама же в это время ночевала на раскладушке у своей постоялицы.

Наше обиталище было пеналовидной комнатенкой. С одной стороны кровать, с другой – холодильник и буфет. В проходе коляска проезжала еле-еле. У окна стоял круглый стол. И вот у стола можно было поставить раскладушку, на которой спал кто-то из моих близких. Года два мы останавливались у Марины Дмитриевны. В общей сложности, я прожил у нее четыре месяца в разное время, ведь сессии были осенние и весенние. Она была очень доброй и душевной старушкой. Родом из Тамбовской области из города Ефремова. Когда-то, в юности, ей нагадала цыганка, что она будет жить в центре Москвы. Судьба распорядилась так, что это и случилось. Мы платили хозяйке, кажется, 30 руб. в месяц, но она все время кормила нас из своих запасов и очень обижалась, если мы начинали отказываться.

В дальнейшем, когда брат Сережа поступил в московский художественный вуз и устроился работать дворником в Литинститут, ему дали комнату тут же в институтском дворе, и я во время приездов жил у него. Эта комната была в одном же здании с заочным отделением, куда я поступил, только с разными входами. Главный дом, где находилось очное отделение, когда-то принадлежало дяде Александра Герцена, и сам писатель родился в этом доме, напротив которого ему поставлен памятник. В здание заочного отделения в герценовские времена находилась конюшня, поэтому вход в него пологий, без единой ступеньки. Такой же самый вход и в комнату, что дали Сереже. Я считаю, везение было невероятным. Я был почти самостоятельным человеком. В любое время мог выехать из Сережиной комнаты и попасть в заочное отделение.

Администрация старалась идти мне навстречу. Ведь здание было двухэтажным, и некоторые занятия велись в аудиториях второго этажа. Но по моей просьбе наш курс, в большинстве своем, занимался на первом этаже.

Вступительные экзамены закончились, а впереди была почти месячная установочная сессия. Можно было расслабиться. То Сережа, то папа возили меня по знаменитым московским местам. И как это моя коляска, а она была комнатной, выдерживала все эти поездки? Был я и на Красной площади, и внутри Кремля и т.д., и т.п. С Сережей ездили мы на спектакли различных театров. Теа-

тральное действо не сравнишь ни с чем. Как же мне этого сейчас не хватает: МХАТ, театр им. Маяковского, Ермоловский театр, гастрольные спектакли товстоноговского БДТ... Вот только не удалось в Большой театр попасть. Ни до, ни после учебы ничего подобного у меня не было.

Да и сами московские улицы – это было чудо из чудес. В связи с прогулками по московским улицам вспоминается забавный эпизод. Сзади Литинститута, по Большой Бронной, прямо нависая над ним, стояло здание, уж не помню сколькоэтажного дома, где была квартира члена Политбюро, всесильного в те времена человека, «серого кардинала» – Михаила Суслова. Отец часто возил меня мимо этого дома, просто один из наших маршрутов так проходил. И вот мы заметили, что за нами стали ходить двое в штатском. Рассказали мы об этом сторожу института, и он посоветовал не прогуливаться там, мало ли чего может быть. Мы потом часто шутили по поводу того, как нас записали в террористы или в переодетых шпионов.

А с 1 сентября началась учеба, и все это было для меня вновь. Ведь до сего времени я никогда за партой не сидел. Преподаватели, каждый по-своему, были интересны. Ведущий семинара о Пушкине Михаил Еремин был влюблен в этого поэта до такой степени, что в дальнейшем, читая лекции по предмету «Русская литература XIX века», о каком бы писателе ни говорил, почти всю лекцию посвящал Пушкину, и лишь перед самым звонком скороговоркой два-три слова о том самом писателе. И если лекции начинал почти шепотом, то к концу, буквально, кричал. А коли речь каким-то образом заходила о современности, каких-либо недостатках, он потрясал руками и, кивая, в сторону, где находился Кремль, говорил: «Это они, подлецы, виноваты!» А ведь на дворе был 1976 год...

Запомнился мне и Константин Кедров. Он не преподавал у меня, но у него была такая неотразимая улыбка, что всегда поднимала мне настроение, когда пересекались мы с ним в литинститутском скверике. Даже сейчас я ее вспоминаю, и она меня греет. В дальнейшем я узнал, что Константин Кедров дал положительную рецензию на мои стихи, когда я посылал их для поступления в институт. Я благодарен ему и за это. Он стал одним из тех добрых волшебников, что осуществили мою мечту о поступлении в Литинститут.

Много за шесть лет учебы повидал я преподавателей, интереснейших и скучных, но не пропустил ни одной лекции. Слава Богу, что я в своей жизни прожил эти шесть незабываемых студенческих лет. И благодарность родителям и брату Сереже неизбывна. Один на своей коляске я бы, конечно, физически не смог учиться.

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

Возьми сухой июньский жар,
смешай с асфальтом и бетоном,
прогорклой гарью и гудроном –
получишь лето горожан.
Разит бензином и резиной
натертых до шипенья шин.
С витрин, с горячих спин машин
ржет солнце рыжей образиной.
Но в магазины прёт народ,
где пиджаки, сорочки, юбки
неромантично, словно губки,
всеобщий впитывают пот.
Народ спешит, свершив покупки,
в автобусы, как в душегубки.
Отдушина – под выходной.
Метро толкнет людскую лаву
к вокзалам. Словно на облаву
столица в лес пойдет стеной.
Авоськи с апельсинами
заполонят перрон,
и тетки с непосильными
поклажами – вдогон...
На волю катится вагон,
Под небесами синими,
под соснами, осинами
запахнет апельсинами
русская жара.
В траве, по рощам елочным
и по тропам проселочным
осколочно и солнечно
заблещет кожура.
А в воскресенье до заката
волна обратная – возврата
немиросердная пора.
Несется солнце в лад с колесами,
от поезда не отстаёт
и, пролетая между соснами,
по окнам бьет, как пулемет.

В южных морях

Русский оперный певец, уехавший на Запад, скитается по свету не по своей воле, попадая в различные приключения, переживая влюбленности, встречаясь с необыкновенными людьми и, в конце концов, возвращается на родину. Но прошли долгие годы – и он уже другой человек, и это уже другая родина...

Мы шли морем Банга. Оно было темно-изумрудное и спокойное, похожее на жидкий кристалл, по которому почти бесшумно, почти виртуально скользила «Астра». Я сидел в шезлонге возле бассейна и пил кофе.

Было только шесть часов утра, но какая-то фанатка уже плавала от бортика к бортику – медленно и неумолимо. Её светлая голова то возникала в моем поле зрения, то исчезала с равномерностью маятника. Наконец, она закончила свои спортивные упражнения и вышла из воды – скользкая и блестящая, словно морской лев, вернее, львица. Проходя мимо меня к душе, она сильно втянула живот и независимо отвернулась.

«Русская», – подумал я.

Каким-то образом я сразу распознаю соотечественников за границей – по манере держаться, по походке, по одежде. По глазам, по их особому блеску, остроте взгляда.

Мой земляк, живущий в Праге много лет, говорит, что в наших есть что-то волчье. И грустно добавляет: «Только это волки, сбежавшие из зоопарка».

Блондинка поплескалась в душе, накинула махровый халат в райских птицах и гордо направилась в буфет, оставив несколько влажных следов на дощатой палубе.

– Что, понравилась Ксюшка? – ко мне подошел Стас, новый пассажир, севший на «Астру» в Сиднее. – Ничего девочка, только полновата немножко.

– Наверное, работает администратором в отеле, – предположил я, – или в какой-нибудь туристической фирме менеджером.

– Почти угадали. Она из вашей команды – в оперном театре служит.

– Певица?

– Заместитель директора.

– Вот как? – удивился я. – Такая молодая и уже начальница.

– А в Москве сейчас много молодых девиц продвинутых – и в банках, и в фирмах. Ездят на «Мерседесах» и «Порше», одеваются в модных бутиках, ужинают в ночных клубах, тантрой занимаются.

– Тантрой?

– Ну, сексом тантрическим... Тантристы – приходилось слышать?

– А-а... – понимающе протянул я. – А вы тоже тантрист?

– Нет, зачем! – Стас усмехнулся пренебрежительно. – Нам эти глупости ни к чему – только голову дурить. Я

человек рабочий, простой – мне туризм больше нравится... сексуальный.

– Вот как? Интересно, где это в России рабочие люди зарабатывают на секс-туризм да ещё на таких лодочках, как «Астра», катаются?

– Места знать надо, – сказал Стас и посмотрел куда-то вбок и вверх, туда, где плыли тугие розоватые облака. – А что касается Ксюши, то... не советую тратить время. Я её знаю по другим круизам довольно давно. Она динамо крутит, видно, босса своего боится. Как говорится, и хочется, и колется, и дядя не велит.

– А кто этот дядя или босс, которого она так уважает?

– Не знаю наверняка, но только с самого топа, – Стас поднял указательный палец вверх и значительно закатил глаза под лоб. – Ну, пойду к себе в каюту, пивком разомнусь. Не хотите присоединиться?

– Спасибо, нет. А не рано ли для пива – седьмой час утра только?

– Что делать! Я так привык на отдыхе: проснусь, пробегусь – и к пивку. А уж потом завтракаю. Зато вечером, сколько бы ни выпил, похмелья нет.

– Счастливцев, – сказал я.

Стас ушел. Постепенно San deck заполнялась пассажирами: кто, подобно мне, пришел выпить кофе на свежем воздухе, кто, подобно оперной начальнице Ксюше, хотел поплавать в морской водичке, кто ждал инструктора по у-шу, а кто-то просто смотрел на океан. Я перешел в Sea club, взял горячего кофе и сел в кресло у широкого – во всю стену – окна.

Сегодня – 25 февраля. День рождения Норы и ровно год с того дня, когда я почти умер от временной – на целых полгода – потери голоса. «Почти» и «чуть-чуть», как говорится, не считается. Но тому, кто с детских лет поет и носит в себе голос – это альтер эго, подчиняющее твой рассудок, чувства и действия непонятному замыслу провидения – понятия «жить» и «петь» – синонимы.

Я прихлебывал кофе, смотрел на океан и вспоминал, что же случилось со мной за прошедшее время... Та легкая, сумбурно-непредсказуемая жизнь, которой я жил в течение трех лет – с тех самых пор, как начал работать на океанских теплоходах и ездить по свету, сдвинула мои представления о мире и его ценностях. Оседлая жизнь с её рутиной и размеренностью представлялась уже невыносимо скучной и заурядной. Привязанность к одному театру, пусть даже и взаимная, казалась опостылевшим супружеством, когда

привычка давно вытеснила чувство, а теперь, загримировавшись под него, требует юной неудержимой пылкости.

Постоянная служба в Пражской опере, почти ежедневное общение с одними и теми же коллегами, певцами, дирижерами, режиссерами, постоянные репетиции общих мест, постоянная необходимость быть в форме напоминали скакание белки в колесе. Правда, временами случались гастроли, но их было всё же не так много, чтобы чувствовать себя вольным цыганом.

Словом, когда три года назад мне выпала возможность получить контракт на океанском судне в качестве Flying Artist, я не стал отказываться и ломаться, изображая оперную звезду, озабоченную только высоким искусством. Классическая программа? Прекрасно. Программа evergreen? А почему бы и нет?

За два года я привык к тому, что мир текуч, переменчив и непредсказуем. Я уже воспринимал, как само собой разумеющееся, то, что раньше казалось сновидением. Я засыпал в одной стране, а просыпался в другой. Я, бывало, ужинал в Италии, а завтракал во Франции, обедал в Германии, куда меня переносил самолет с тем, чтобы немедленно отправиться в Аргентину с тем, чтобы поспеть к ужину на другом корабле.

Я не особенно удивлялся, когда, валяясь на пляже где-нибудь в Египте, слышал знакомый голос:

— Хай, Эдвард! Загораешь? Предупреждаю, если попадешь на «Золотой ветер», ни в коем случае не соглашайся на офицерскую столовую — там отвратно готовят. Снова вернулся шеф-поваром этот идиот Зигфрид, помешанный на баварской кухне. Только ресторан, слышишь? Только пассажирский ресторан

— Понял. А как обстоят дела у тебя в казино, Влад?

— Так себе. На «Ветре» игроков в последнее время почти не бывает. Наверное, вернусь домой в Варшаву.

— Перебирайся на «Астру», у нас много японцев — они азартные.

— К вам трудно попасть — шведы проталкивают своих крупные. Ничего, не пропадем. Ладно, счастливо, я пошел — мы уже в четыре отходим. Идем в Акабу.

— А мы в восемь отваливаем — в Йемен, а потом в Мумбай и дальше.

— Пока!

— Пока!

— Да, чуть не забыл, книгу Кастанеды я еще не дочитал, верну в Гонконге.

Я привык к тому, что временный дом мой дрожит и покачивается. Порою мне казалось, что реальна только эта кабина, это мерцание и блеск за стеклом, только эти вечно освещенные коридоры, лестницы, лифты, корабельные бары и салоны, размеренно-оживленная жизнь от завтрака до ланча, от обеда до очередного концерта. Только здесь идет своя размеренная, совершенно автономная от всего мира жизнь, дышит замкнутая цивилизация. Ну, а порты, города, страны не более чем кадры долгого кинофильма, своего рода сериала, в котором нет героев, а только статисты и декорации.

А однажды мне подумалось, что мир — это нечто вроде гигантской матрешки, вложенной в свои подобия и их же вмещающей. «Астра» была одним из таких соответствий, она перемещалась в океане, словно огромный моллюск, внутри которого существуют люди и механизмы. Я спускался в машинное отделение и видел, как у входа в чрево Левиафана мирно стоит аквариум с тропическими рыбами, плавающими меж водорослей и кораллов. Пузырьки кислорода рвались из тонкой трубочки на галечном дне аквариума, рыбы лениво шевелили плавниками и хвостами, рты их открывались, словно все они хором тянули букву «О», а глаза выпучивались, удивляясь бесконечности окружающего их пространства.

В четырех бассейнах «Астры» постоянно кто-то плескался, а ночами каждый плавал в своих снах, оливки купались в коктейлях, артисты в успехе, стальные поршни в масле, а будущее Норы в её нежном животе, моря — в воздушном океане, атмосфера — в космосе, космос — во времени, а время — в слезинке Бога. Так мне подумалось — или, скорее, померещилось.

Ну, а пока — я сидел в удобном кресле, смотрел на океан и вспоминал будущее. Почти соответствуя сюжету известного голливудского фильма.

Впрочем, ни предсказуемого будущего, ни четкого воспоминания о прошлом не было — только смутные полувспоминания, полупредчувствия.

Я лениво думал о том, что же такое «карьера», «успех», «везение»... И приходил к мысли о невозможности определить судьбу как нечто поддающееся исчислению, истолкованию...

...Мы пришли на Таити ранним лимонно-золотым утром. «В бананово-лимонном Сингапуре...пуре...». Сингапур, Сингапур — он давно уже не лимонный и не банановый, а суперполисный...

Было воскресенье, и пастор – его звали Игон – попросил меня посетить службу – спеть что-то духовное.

– Игон, я бы рад всей душой, но ведь я – православный, – сказал я, – а у вас служба лютеранская, удобно ли?

Игон благостно улыбнулся:

– Вы же христианин?

– Да, но...

– И мы – христиане. Ну, какая разница, в сущности, в том, как креститься – двумя или тремя перстами? А, кроме того, на службе будут и католики.

– Может, это шаг к вселенскому объединению церкви? – пошутил я.

– Может быть, – вполне серьезно ответил Игон.

– Тогда, если позволите, я спою «Ave Maria» протестанта Баха, «Pieta, Signore» католика Страделлы и «Коль славен наш Господь» ортодокса Бортнянского – хорошо?

– Brilliant! – всплеснул пухлыми руками Игон.

Скромная судовая церковь – когда не было службы, здесь проходили репетиции квартета – была переполнена. На Игоне была легкая черная сутана, а белый пластмассовый подворотничок напоминал о утраченной веком непорочности.

Игон читал из Библии по-немецки, временами откладывал ее и говорил от себя, убеждаяще обращаясь к сидевшим слева и справа от него прихожанам, потом снова брал книгу и цитировал, делал знак клавишнику из оркестра Никласу – и все раскрывали молитвенники и начинали петь псалмы под гудение электрооргана. Кондиционеры лили на головы молящихся прохладу, а с портрета на стене сурово смотрел Мартин Лютер, как бы вопрошая: «В чем вера твоя?».

Меж почтенной протестантской публикой, чинно сидев-

шей на стульях, я увидел трех филиппинцев-католиков, скрипачку из Испании Долорес и Галину Петровну из Воронежа. Они, правда, не пели псалмов вместе со всеми, но внимательно слушали речь пастора. Ну, а крестились они, конечно, по-разному: Галина, русская, – щепотью, а испанка – ладонью.

Игон закончил один из периодов речи, обернулся ко мне и сказал рукой и глазами: «Прошу».

Никлас уступил место, и я сел к органу.

То ли оттого, что я сегодня выспался, несмотря на раннее вставание, то ли по той причине, что мысленно несколько раз прошел программу, то ли оттого, что утро обещало праздник, но я почувствовал, что поётся на редкость легко.

Игон благодарно поклонился мне, лицо его сияло, да и проповедь, как видно, удалась на славу.

– Вы особенно хорошо сегодня пели, Эдуард. Я бы сказал, как никогда.

– Спасибо, Игон, я и сам, пожалуй, доволен. Было действительно на редкость легко петь, особенно в такой непривычно-ранний час.

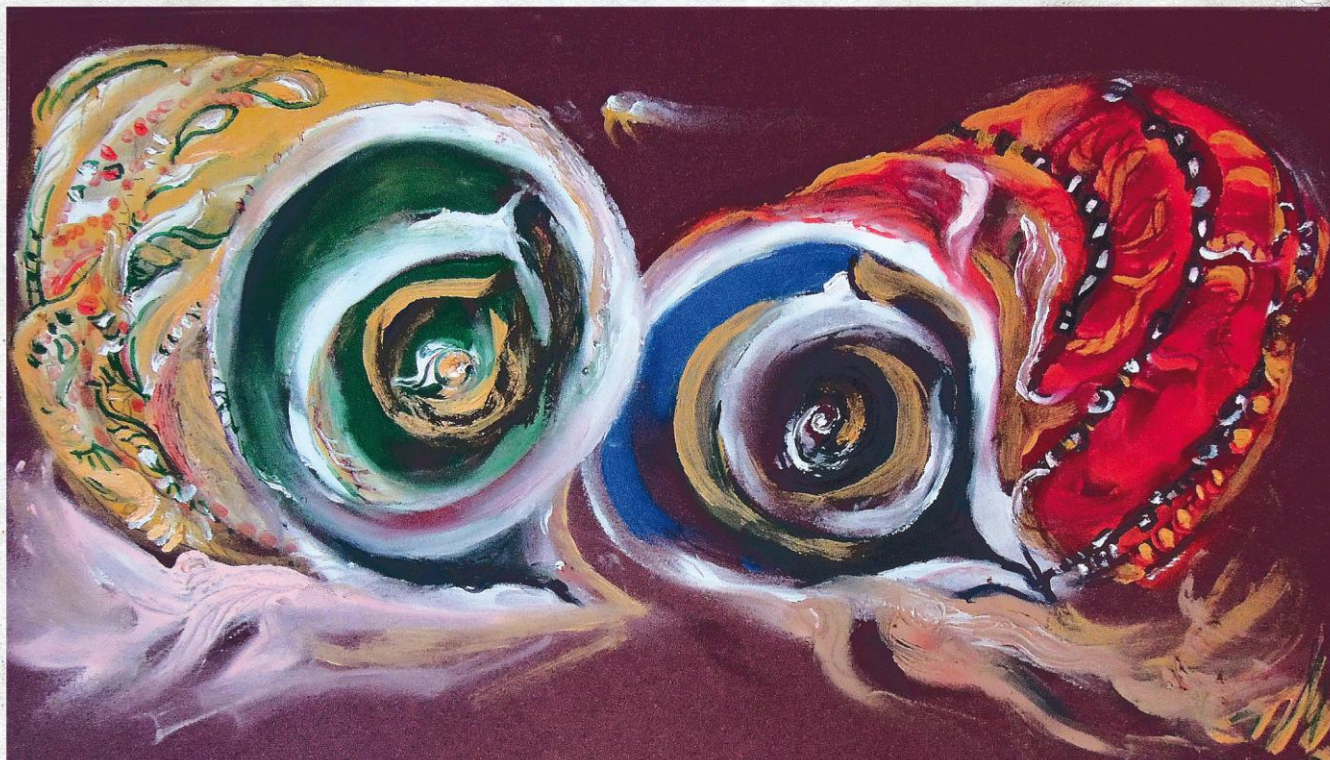
– А знаете, – он пытливо посмотрел мне в глаза, – знаете, отчего это происходит?

– Не знаю, – ответил я, – скажите.

– Оттого, – лицо приора сделалось таинственно-серьезным, – оттого, что вы пели для Него.

И он значительно поднял вверх глаза и указательный палец.

Я вышел на палубу. Было не по-тропически свежо. В небе – ни облачка, только четкий белый след от пролетевшего самолета. Он разделял небо пополам – на ту часть, где висело утреннее солнце, и другую – куда светило еще предстояло переместиться.

Двое (морские раковины). Рисунок Галины Мальцевой. Картон, гуашь, грим.

Отмар Зайдер

Вена, Австрия

WIDERSPRUCHE – ПРОТИВОРЕЧИЕ

Трусость – моя смелость
Моя дурость – моё лукавство
Фальшь – моя честность
Моя ложь – правда
Сон – моя бессонница
Мой обман – моя верность
Ненависть – моя любовь
Моя слепота – моё зрение
Мои опоздания – моя пунктуальность
Бесстрашие – моя страсть
Моя лень – моя поспешность
Молчание – моё красноречие
Голод – моё насыщение

Моя зависть – моё радушие
Слава – моя неизвестность
Мои потери – мой выигрыш
Сомнение – моя вера
Мой враг – мой лучший друг
Моё богатство – моя бедность
Принуждение – моя свобода
Моя смерть – моя жизнь!

*Снял противоречие между немецким
и русским языком*

Виктор Клыков (Вена, Австрия)

Алексей Торхов

ДООС – торозавр
Николаев, Украина

ИСЦЕЛЕНИЕ

(поэтический цикл)

ЦАРЕВНА-НЕСМЕЯНА

НЕ СТЕМНЕЕТ

*«...в источнике твоих глаз
повешенный душил верёвку...»
(Пауль Целан)*

*«...я пью пока сердце моё
для тебя не стемнеет...»
(Пауль Целан)*

вспомни
смеялись до слёз
поливали слезинками
виселиц саженцы

вспомни
их ветви пеньковые руки
тянулись к власам
утопавших на дне
влажного неба
к их голосам

мы смеялись
сквозь слёзы
вспомни
сквозь голоса пеньковые

о как смех умеет душить
вспомни

смеёшься слезами

(16.06.12. 08ч. 44м.)

насыщенный неба раствор
бредит в трубе водосточной
становится город на цыпочки –
не замочить мостовые

пью твоё отраженье
из луж
из зеркал
из памяти

шлёпаешь ртом как рыба
беззвучна
неуловима

пока сердце моё не стемнеет
шевелинёт плавниками
уйдёт в пучину

лишь одичавший взгляд
лишь безбилетный голос
в уроборосе-поезде

медлишь
подпускаешь ближе чем кожа
чтобы наверняка

назвать невозможное – имя
проснуться в пугающее – ночь
мою

(11.06.12. 16ч. 32м.)

Николай Ерёмин

Красноярск

КОСМОСТ В КОСМОЗГ,

*Поэма комментариев
к Журналу ПОэтов № 5, 2012*

1.
ПРОСТАЯ БАНДЕРОЛЬ
*от Константина Кедрова
и Елены Кацюбы, пришла
по почте 6 июня, 2012 г.
(вещий знак!) в день рождения
А.С.Пушкина*

Бандероль простая эта
Оказалась непростой:
В ней лежал журнал ПОэтов –
Не простой, а золотой! –

Космост в космозг вещих снов
С золотым запасом слов.

2.
ИНСТАЛЛЯЦИИ

Космозга
Раздвинулись недра –
И вдруг
Засветились два сердца:

Пришелец
Похож был на Кедрова,
А Кедров
Похож на пришельца!

И встретили их
на крылечке
Зелёные человечки...

И каждый –
Умён и не стар –
Земной инсталляцией стал,

Чтоб вновь
Над журналом ПОэтов
В стране, где не видно ни зги,
От строчек, наполненных светом,
Мои просветились мозги...

3
КОСМОСОН

Космозг
Впадает в космосон...
И –
Что за дивный вид! –
Извили – нами,
Звёздный, он
Пред нами шевелит...

4.
ОЧКИ ВЕЧНОСТИ,
дифирамб Елене Кацюбе

Звёзд, увы,
Близоруки зрочки.
Космозг спит в поэтический
час...

Вы ж
На вечность надели очки –
И она
Разглядела всех нас!

5.
БУКВЫ

Люди – буквы:
– Бу-бу-бу...

И пока на Этом свете
Ангел нам трубит в трубу
.....
Повторя звуки эти,
Мы бубним ему в ответ
По дороге на Тот свет...

6.
ПОРТРЕТ ГАГАРИНА

Космонавт
В эмбриональной позе
Молится
(в округе – звёзд огни)
– Господи!
К любой метаморфозе
Я готов...
Спаси и сохрани!

7.
ЗМЕЙ и ЗМИЙ

Змей превращается в Змия –
Семиголовая пасть...

И я кричу: – Мама мия!
Боже, не дай мне пропасть!

И мне вручает Отец
Огненный меч-кладенец.

Взмах – и слетают без слов
7 у дракона голов...

Было мне с ним не слабо.
И я шепчу: – Слава Бо...

8.
Я в космос
Поднимаюсь каждый день –
Всё выше, выше, выше от земли!

А ночью
Приземляюсь,
Старый пень,

Когда меня охватывает лень
И звёзды загораются вдали,
И в голове – лирическая звень...

А рядом – дремлет лодка
на мели...

9.
ПОБЕГ

Никто меня
Не похищал!

Свободный человек,
Начало и конец начал,
Я сам
Свершил побег.

И вот
Из космоса на вас
С улыбкою гляжу,
И – сам с усам –
В сей век и час
Себе
Принадлежу.

Олег Федоров

Тюмень

Потоки времени

Ева, срывающая яблоко,
Адам, приближающийся к Еве,
Кающийся Каин...
Моисей, блуждающий по пустыне,
Иоанн, окунающий младенца,
Ной, собирающий из досок ковчег.

Клеопатра, томимая желаньем,
Цезарь, разговаривающий с Брутом,
Иуда, внемлющий Христу.
Пилат, намыливающий свои руки,
Пётр, не верящий в предсказанье,
Сомневающийся Фома...

Иродиада, пляшущая свой медленный танец,
Юдифь, несущая в руке голову Олоферна,
Венера, спящая в траве...
Александр, смотрящий на Запад,
Тутанхамон, оглядывающий свои гробницы,
Прометей, прикованный к скале...

Сократ, подносящий к губам чашу с ядом,
Диоген, с фонарём в руке, ищущий человека,
Жанна д'Арк, сгорающая на костре...
Черчилль, закуривающий сигару,
Пушкин, вспоминающий про морoshку,
Жуков, въезжающий на Красную площадь
на белом коне.

Чаплин, пародирующий Адольфа,
Гитлер, дожёвывающий свою сосиску,
Освенцим, Дахау, Бухенвальд...
Гамлет, убивающий Лаэрта,
Ленин, сидящий на скамейке,
Леннон, поющий «Пусть будет так».

Олени, уходящие по горным тропам,
Тюлени, выбрасывающиеся на Берег,
Маяковский, закрывающий глаза...
Есенин, смотрящий прямо на солнце,
Достоевский, уезжающий в Баден-Баден,
Островский...Гроза...

Эйзенштейн, снимающий «Броненосца»,
Эйнштейн, играющий на скрипке,
Сталин, убивающий жену...
Пётр, стоящий на коленях перед сыном,

Рисунок

Кристины Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция).

Распутин, выброшенный в канаву,
Николай, вознёсшийся на небеса...

Башни-близнецы, оседающие на землю,
Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму,
Освенцим, Дахау, Сталинград...
Зеки, доедающие свою пайку,
Палач, подстерегающий свою жертву,
Мальчик, рисующий палочкой на песке...

Мальчик рисует спящую Венеру и попугая,
Солнце, луну и звездолёт.
А в восемь вечера за ним приходит Мама,
Берёт его на руки,
Отряхивает от песка штанишки,
И снова всё оживает...

2. 07. 2003

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль

С-ЛОВЦЫ:

об! и дно – обидно

не стыдно
нести дно

ЗА ЧЕТВЁРТЫМ
В ЧЕТВЁРТОЕ
НА ЧЕТВЁРТОЕ
ЧЕТВЁРТОГО
ЧЕТЫРЁХТЫСЯЧНО ЧЕТЫРЕСТО СОРОКОК
ЧЕТВЁРТОГО
В ЧЕТЫРЕ
СОРОК ЧЕТЫРЕ
СОРОК ЧЕТЫРЕ

червем
во чреве
четвёртого
измерения

сытное солнце
сырное зрение

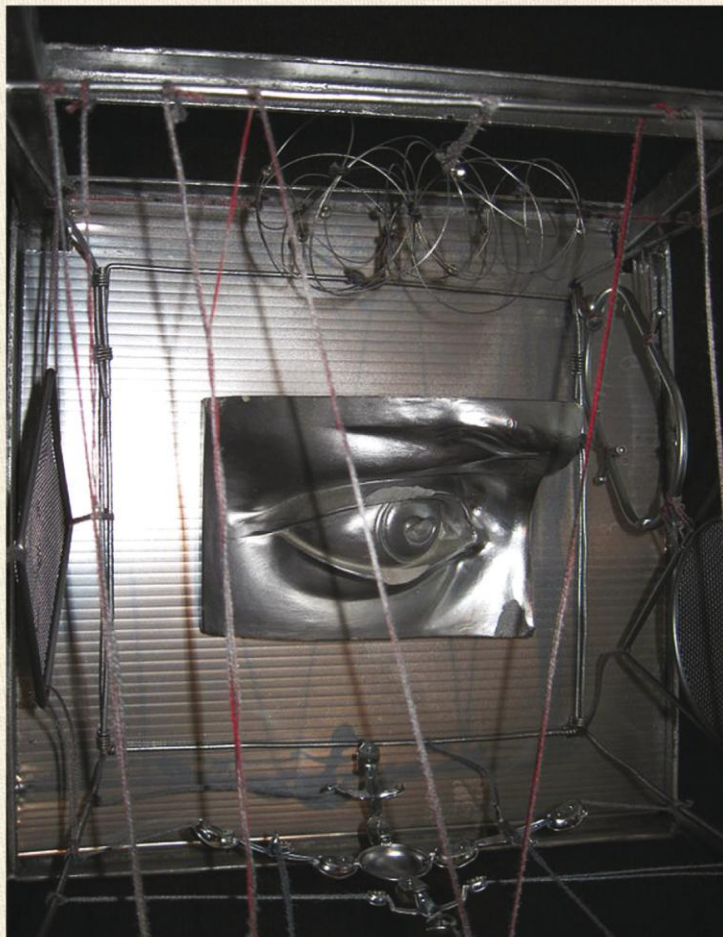
откуда во мне
ЭТО
терпение

умираю
пространство
во времени

как
ТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫТЫ
можешь
любить
КРУГЛОЕ?

возненавидь
или
вели и времени
умереть

ночью
проснулась:
Ты:
штопаешь
небо
звёздами

Инсталляция Маргариты Аль

Gospodi?

СКОЛЬКО

ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ещё ждать?

тттррррррриииллллллииииииооооооннннннееннн
.....

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ
ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ
ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ ЖИТЬ

ЖИТЬ:

ВЗЯТЬ НОЖ:

и убить:

продать:

И КУПИТЬ:

НОЖ:

НОЖИТЬ НОЖИТЬ НОЖИТЬ НОЖИТЬ НОЖИТЬ НОЖИТЬ НОЖИТЬ

ночью
проснулась:

я:
штопаю небо звёздами

Константин Кедров: НОВЫЙ ТИП ЗНАКОВОГО ПОСЛАНИЯ

Речь идет о книге Константина Кедрова «Дирижер тишины». Когда я познакомилась с ее содержанием, мне стало ясно, что книга уникальна не только по содержанию, но и построению каждого, отдельно взятого поэтического текста. Стихотворение «Влюбленный текст» и есть КЛЮЧ к пониманию творчества автора книги.

только мыслью можно приласкать Бога
завтра нас не будет нигде
и тогда ощутив пустоту
нас мгновенно заметят
когда отсутствие заметно оно бессмертно
только погасшее солнце можно увидеть
только прошлое можно вспомнить
только будущее можно предчувствовать
только настоящее незаметно
музыка играет тишину
тишина играет тишину
Бог хранит молчание но слышит ...

Это этап ментального процесса, набор уже почти сформировавшихся силлогизмов, остающихся на этапе «язык» еще без разграничения, так как выбранные подсознанием поэта означаемые структуры означаемого (то, что читателем может восприниматься как силлогизмы) и означающие, не получили своей реализации в речи.

Что значит «приласкать Бога мыслью»? Глагол «приласкать» вводит идею обладания, например: иметь = знать мысли = ментальную информацию Божественного. Выйти за пределы человеческого идеогинезиса значит не включать ни эгоистическую модальную идею «хотеть», ни чувственные, ни перцептивные идеи и концентрироваться полностью на позиции интеллективных идей, т.к. Божественный Идеогенезис состоит только из основных, стабильных идеогенетических этапов: «быть», «иметь», «делать». (Лорина Тодорова. ТРЯБВА ДА ОБИЧАШ ЗЕМЯТА, НО СЛЕД БОГА или за сущностью на идеогенетичного «робство». ФАБЕР. 2002. с. 196).

Посмотрим, как интегрируется этап «причинного построения» – этап «язык», где мысль оперирует структурами означаемого, т.е. это и есть момент перехода полученного Частного – Частного от Общей информации, поданной Тотальным Круговоротом к Осмыслению и подбору «структур означаемого». «Только мыслью можно приласкать Бога» (теза) – «завтра нас не будет нигде» (антитеза с аффирмативным смыслом, так вводится идея неуверенности, колебания). «И тогда ощутив пустоту нас мгновенно заметят» – (теза без уточнения субъектно-объектных отношений) – «когда отсутствие заметно оно бессмертно» (аффирмативная теза) – «только погасшее солнце можно увидеть» (аффирмативная теза ситуации абсурда: увидеть то, чего нет! – так утверждается ограниченность Человеческого идеогинезиса, который поддерживается эмпирическими и чувственными понятиями, но и не интеллективными).

«Только прошлое можно вспомнить / только будущее

можно предчувствовать / только настоящее незаметно» – три аффирмативных тезы. Согласно теории Г. Гийома существуют только два сегмента времени: прошедшее и будущее, между которыми вставлен пунктиром сегмент настоящего (Ж. Guillaume. Langage et science du langage), каждый момент которого одновременно ориентирован к прошедшему и будущему. Следующие две строфы представляются как абсурдные утверждения, взаимно исключающие друг друга: музыка играет (аффирмативная теза) тишину (аффирмативное тезисное дополнение), тишина играет тишину – тезисное двойное утверждение: смысл как утвердительный, так и отрицательный уничтожает смысл вообще! «Бог хранит молчание но слышит» – заключительный силлогизм в состоянии потенциального.

В книге Кедрова есть два уникальных по своему строению поэтических текста: «Венский стул» и «Замок стрекоз». Эти два поэтических произведения с точки зрения оперативных принципов их интеграции приближаются друг к другу, но они не тождественны. В «Замке стрекоз» есть эксплицитный Ключ для анализа текста, и он в заглавии – слово «стрекоза». Заглавие имеет очень большое значение, т.к. согласно теории Хр. Тодорова о литературном тексте, заглавие есть «конденсированное резюме», от которого и начинают оформляться авторская мысль и сам литературный текст (Christo Todorov. La théorie opérative et la littérature française. FABER. 2003, с. 218).

Ключевое слово СТРЕКОЗА в латинском языке означает – КНИГА. «Замок стрекоз» – текст, представляющий мысль мыслящую, дрожащую, трепещущую, построившую «Замок стрекоз», т.е. ЗАМОК ИЗ КНИГ. Слово «стрекоза» во французском языке: libellule (libel lule), lat: libellus = liber, livre = КНИГА. Теза: «Уже ничего на земле не изменится» – превращается в возвращенную метафору: «подарок». Это слово, предложено автором в стилистическом приеме повторения. Именно этот прием или лишает слово всякого смысла, или, наоборот, благодаря повторению, слово достигает самой высокой степени метафоризации: «СТРЕКОЗА» – «ЗАМОК СТРЕКОЗ», интегрирующий на базе «из тысячи просветлений / из тысячи беспросветностей / как в зеркало камнем вмиг / из хрупкости недоступной / хрустальный звонкий гимн / как формула бессмертия / хрустальная и нага / он высится над смертью / все преломляя в радугу...»

В тексте есть два момента, ориентирующие к познанию ЗАМКА: «Я открываю дверь», – и к познанию «ЗАМКА СТРЕКОЗ» – «Я ОТКРЫЛ КРЫЛЬЯ», т.е. я могу творить! Я прозрел... Автор прозрел имплицитную сторону бытия-творчества с его недоступными человеческой перцепции законами: «Все дробиться / все отражается и дрожит / Это Дрожь и полет стрекоз / продолжит жизнь». Финал – «прозрачный замок стрекоз из слез стрекоз», т.е. прозрачный смысл книг из слез их авторов. Если и есть что-то в мировой литературе «анти», то аналога ХРУСТАЛЬНОГО ЗАМКА СТРЕКОЗ нет – «Да здравствует апрель!»

А вот в поэме «Венский стул» подобного Ключа нет. Отсутствие знаков препинания позволяет автору постоянно подсказывать читателю, что перед ним, читателем, это еще не сам текст (*“texte élaboré”* Ch. Todorov. *idem* p. 220), а лишь ментальный процесс становления идеи о будущем тексте. Кстати, следует заметить, что и книга К.Кедрова «Дирижер тишины» – это тоже своего рода иллюстрация процесса становления = реализации Человеческого Познания.

Второе, что поражает, так это отсутствие не только запятых, точек, двоеточий, многоточий, тире, но и рифмы, и целостного содержания. Так что же написал поэт нашего времени без времени?

А это то, что Гюстав Гийом дефинирует процессом организации мыслимого, то есть первичного тотального аморфного ОЗНАЧАЕМОГО. Этот ментальный процесс есть последовательность ментальных операций, создающих означаемые и структуры означаемого, которые протекают в границах Оперативного времени. Согласно учению Г.Гийома только ОЗНАЧАЕМОЕ имеет значение, а не его выражение в знаках. Г.Гийом различает три этапа языково-речевой деятельности: пред-язык (в мысли = *Causation obverse*) – язык (в мысли и знаках = *Causé construit*) – речь. (G. Guillaume. *Langage et science du langage*. Paris. 1964)

На этапе «пред-языка» мысль оперирует только с означаемыми (то есть смысловыми понятиями) – на этапе «язык» мысль оперирует со структурами означаемого – именно они получают свою реализацию в речи. Г.Гийом различает мысль мыслящую и мысль мыслимую – речь. Предложенное тут краткое объяснение психомеханики Г.Гийома необходимо для понимания поэмы «Венский стул».

Обратимся к тексту. При первом прочтении текст кажется абсурдным, но это не абсурд, это иллюстрация того, что Г.Гийом называет: «обратная причинность» и «причинное построение», т.е. «пред-язык», где язык-мысль оперирует только означаемыми и язык, где появляются структуры означаемого. Вот пример из текста: «Саратовская боль любви первоначальной / неназывная приставная боль / как сеча при Керженце / когда от угла до угла / стоят четыре стола...»

Пред нами набор означаемых, где нет смысла, т.к. это этап пред-языка и (частично) языка, где смысл недоступен, но можно различить отдельные структуры означаемого, например: «когда от угла до угла».

Таким образом, резкая разница между «Венским стулом» и «Влюбленным текстом» состоит как раз в том, что первый организуется полностью на этапе пред-языка, где мысль не может быть осознана, а во втором тексте его содержание интегрируется на этапе «язык» и читателю кажется, что перед ним силлогизмы... Нет, это еще только структуры «в мысли и знаках».

Опираясь на Новый тип поэтического текста – поэзия обратной причинности, – созданного Кедровым, можно совершенно спокойно воспринять его термин «метаметафора» именно на этапе пред-языка. Человек получает неосознанно

новую информацию, которую ему предстоит прозреть в последующей своей работе. Согласно теории Г.Гийома о слове, язык = мысль есть система систем, т.е. это какая-то общая система, которая интегрирует в себе менее общие системы; эта система систем есть нечто вроде круга, содержащего в себе другие концентричные круги с меньшим радиусом. Чтобы оформилась языковая единица (грамматическая система, глагольная система и т.д.), необходимо, чтобы ментальная операция протекала от тотального к частям, т.е. от общего к частному. Эта операция должна реализоваться в двух направлениях: от общего к частному и от частного к общему. Процесс интеграции и дополняющий его закон необратимости = меморизации заставляет автора-мыслителя возвращаться к своему открытию.

Итак, можно сказать, что К.Кедров – создатель двух новых типов поэтического текста:

1. Поэзия обратной причинности – *Causation obverse*, интегрирующаяся только на этапе пред-языка.
2. Поэзия причинного построения – *Causé construit*, интегрирующаяся на этапе «язык».

Ни в первом, ни во втором случае нет целостного текста со смыслом. Именно такой тип текста (литературы!) должен преобладать сегодня, чтобы освободиться от обременяющих идеогенетических идей – эгоистическое «хотеть», «хотеть иметь», когда желание «иметь» оказывается бесконечным, т.е. интранзитивным, когда перцепция и чувства мешают нам познать божественное.

Выше показано, как К.Кедров правильно уловил два подознавательных оперативных этапа интеграции мысли мыслящей. Именно на этой базе прозрения он создает два новых типа поэтического текста – Обратной причинности и Причинного построения. Так почему же возникает такое заглавие – «Дирижер тишины»?

«Если внимательно еще раз прочитать психомеханику Г.Гийома, то там акцент ставится на: «мысль мыслящая есть творческое прозрение «язык = мысль» (речь идет о тотальном в состоянии потенциального), она недоступна прямому наблюдения, мы ее осознаем в мысли мыслимой, т.е. в том, что создано, т.е. то, что проявляется в последней позиции Идеогенезиса, – идеи о Действии. Построение языка в мысли предшествует его построению в знаках. А «знак»

может иметь различные формы проявления, которые в конечном счете и составляют различные области искусства и науки, т.е. это могут быть (в человеческой интерпретации) звуки, составляющие основу музыки, или краски, лежащие в основе изобразительного искусства, или цифры и формулы, на основе которых развивается математика! физика! и т.д.» (Л.Т. *idem*. с.с. 177 - 186)

Именно два типа поэтического текста, созданные К. Кедровым, являются прекрасным доказательством предложенных выше теорий. Его книга, которую я определяю как Симфонию Истории Человеческого Разума, есть гениальнейшая иллюстрация Духовного развития Человечества.

Книга К. Кедрова «Дирижер тишины» открывается очень интересным текстом «Адамово яблоко». Это поэтический текст обратной причинности, где мысль поэта оперирует с несколькими основными означаемыми, напоминающими читателю о начале Ветхого Завета. Вот ключевые слова: яблоко, Адам, вкусил.

Читателю передан момент трансфера Человеку идеи оперативной связи Человека (= Адама) и Божественного:

То яблоко
вкусившее Адама
теперь внутри себя содержит древо
а дерево
вкусившее Адама
горчит плодами –
их вкусил Адам

Самым важным означаемым тут является «червь» – связь между Божественным и Земным. Это:

Червонный червь заката
путь проточил в воздушном яблоке
и яблоко упало
Тьма путей прочерченных червем
все поглотила
как яблоко Адам...

Для нас остается загадкой Сотворение мира, а мысль поэта-пророка использует означаемые «червонный червь заката» – этап предыдущий порождает этап последующий, семантически связанный с предыдущим, т.к. является его оперативной составной частью. Только этап предыдущий – «червонный червь заката» – только Божественная Мысль Мыслящая может породить этап последующий – «тьма путей прочерченных» – (человека и среду, в которой он локализован без малейшего знания о путях своего становления) или отречь его появление, обратное невозможно! Так, избрав метафоризированный знак «червь = мысль», К.Кедров передает картину трансфера (=автоматическое письмо, в основе последнего лежат сильные модальные идеи: «необходимым быть / должным Быть», Ch.T. idem. p. 232) и интеграции Божественной Мысли Мыслящей.

Согласно Гюставу Гийому «суперфразовое время представляется как естественная идеогенетическая имманентная последовательность – не зависящая от АЗа = «Я» говорящего» (т.е. автора К.Кедрова). «В этом случае не ставится вопрос о прошедшем, настоящем и будущем, а о понятийном порядке (ряде) ДО – ПОСЛЕ = “un avant – un après”, Ch. T. idem. p. 304). Суперфразовое время, выглядит мало дифференцированным и аморфным» (Ch. T. p. 304).

Т.е. перейти от последующего этапа к предыдущему значит перейти к новому предыдущему, но только этап оперативно предыдущий может отречь появление последующего этапа, семантически связанного с ним.

Это еще одно гениальное прозрение К.Кедрова. Нет эволюции, нет времени, есть только чередование двух оперативных этапов, семантически связанных.

Фото Елены Кацубы

Заключение

Предложенный тут имманентный анализ некоторых поэтических текстов Константина Кедрова позволил подтвердить идею апостола Павла: «...mais que ceux qui ont été choisis de Dieu, l'ont trouvée (la vérité), et que les autres ont été aveuglés» – но те, кто был избран Богом, нашли ее (истину), а другие остались не знающими (Послание Апостола Павла римлянам, XI:7).

К. Кедров создает новый тип поэтического текста, скорее послания, опережая своих современников. Поэт показал, как в следующих тысячелетиях будет оперировать человеческая мысль мыслящая, которая не будет нуждаться в мысли мыслимой = речи. Весь мысле-словный процесс человеческого сознания, исключив Третий идеогенетический этап, т.е. отказавшись от речи = Causation déverse, достигнет высочайшей степени абстракции. Исключив речь, человечество уже не будет нуждаться в выражении чувств, метафоризированной перцепции. Ею будут руководить только интеллективные идеи, сильная модальная идея: «необходимым быть». Создатель Нового типа Знакового Послания: ОБРАТНАЯ ПРИЧИННОСТЬ – Causation obverse и ПРИЧИННОГО ПОСТРОЕНИЯ – Causé construit – Константин Кедров на нашем этапе примитивного мышления представляет тот недоступный нашему пониманию этап философа-творца, которых Платон определил термином «настоящий философ». Человеческая литература не смогла еще достичь подобного высокого интеллектуального прозрения.

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

88 руб. 00 коп.

ПОдписной индекс: 81745

В Объединенном каталоге
Пресса России (том 1)
«Журнал ПОэтов» на стр. 265

Ж У Р Н А Л
№ 8 (40) 2012
ПОЭТОВ

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты», Константин Кедров, Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, Факультета Поэтов и Философов Московской академии образования, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор В. Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;
В.Рабинович — профессор Института культурологии

Арт-директор — Игорь Маркин
Макет номера — Елена Кацюба

На 1 стр. обложки
рисунок Кристины Зейтунян-Белоус.
На 4 стр. обложки
Лингвогобелен Вилли Мельникова.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Тираж 2000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 27.08.2012
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на 81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

на 81745
(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.	количество
	переадресовки	руб.	коп.	комплектов

на 2012год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда
(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

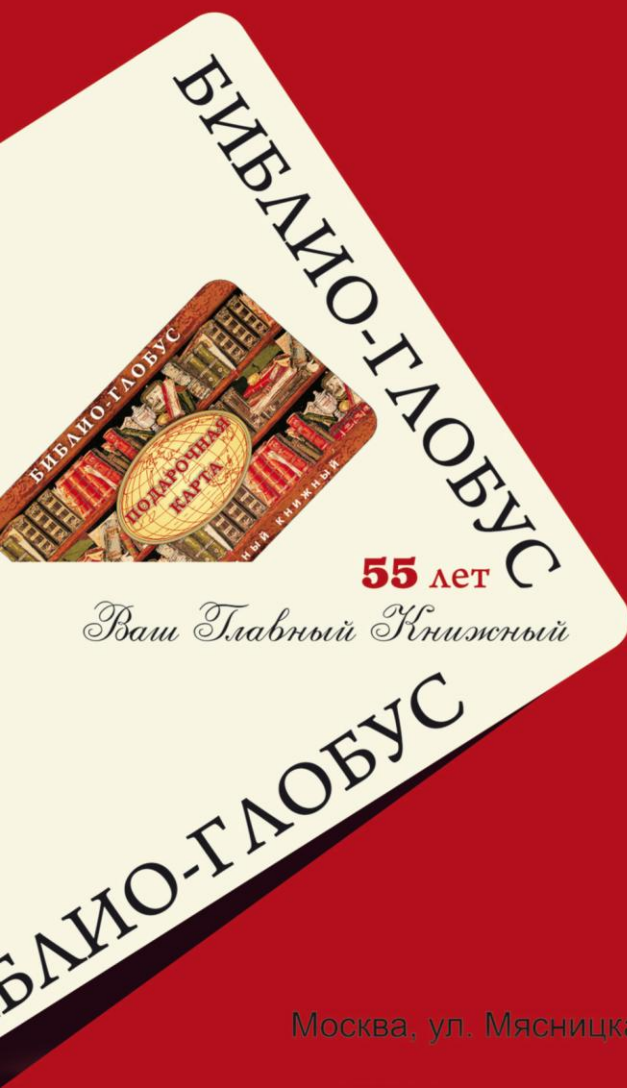
(Фамилия, инициалы)

Фото Елены Кацюбы

ДООСы на поэтическом фестивале
в Южной Корее 11-12 августа 2012 г.

Поэт буддийский монах и поэт ДООС
Константин Кедров в Сеуле у буддистского храма.

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgooperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»